В ПЛЕНУ У ПРОШЛОГО

Л. ФАНДЕЕВА

16+

Лилия Фандеева
В плену у прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43653636
SelfPub; 2019
ISBN 978-5-532-09407-9

Аннотация

Прошлое, каким бы оно ни было, наша память. Память , которая не хочет его забывать. Оно не отпускает, и ты живешь, словно в плену, оно не позволяет отделить настоящую жизнь от прожитой, и ты добровольно застреваешь в этой паутине. Но если прошлое не отпускает, может, оно еще не прошлое?

Содержание

Пролог 4
Глава 1 12
Глава 2 32
Глава 3 67
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Пролог

Летний полдень конца июня 2001 года. На берегу небольшой реки отдыхали горожане, приехавшие на машинах: три молодых человека, напоминающих внешне начинающих культуристов и три стройных девушки в ярких купальниках. Место для отдыха было идеальным. От областного центра до этого места было не более двадцати двух километров по федеральной трассе. Здесь, лента нешироких лесных посадок, всего каких-то десять рядов хвойно-лиственных деревьев, как бы «расступалась». С дороги был съезд, а рядом, скромный навес со знаком для остановки пассажирского транспорта. За посадками, метрах в ста, протекала река, берега которой были почти пологими. Река, сама когда-то выбрала себе русло, петляла, как змея и то делалась широкой, то превращалась в небольшую речушку. В этом месте она была неширокой, метров десяти-пятнадцати, спокойной, глубиной метра три, а вода в ней очень чистой. Именно по этому, в свое время, здесь был построен мостик, соединяющий два берега речки. От трассы к нему вела утоптанная тропинка. Неширокому мостику было не менее полувека. Деревянный настил и перила давно потемнели и кое-где требовали ремонта. На другом берегу начинались сельские угодья, а дальше село. Село было большим со своей средней школой, яслями, детским садом, клубом и кооперативным хозяйством. С

городом, оно было связано автомобильным мостом, а с воздуха казалось, будто расположено на полуострове, так река ограничила район данного поселения. Многие сельчане учились и работали в городе. У тех, кто не имел своего автотранспорта, был выбор из двух вариантов. Первый – садиться в автобус в центре села, маршрут, которого был два раза в день, и ехать до города около тридцати километров. Второй – шагать к реке, через мостик на трассу, где тоже был навес со знаком остановки, и уехать на маршрутке, практически каждый час транзитом, но быстрее. У всех сельских жителей был свой райский уголок для отдыха на реке, и на другой берег никто из них не претендовал. В летний период, в выходной, это было место отдыха приезжих. Берег был песчаный, а река и посадки шли почти параллельно еще метров триста. Потом дороги их расходились в разные стороны. Машины отдыхающих стояли в тени деревьев, а рядом стояли три ярких палатки. Молодые люди отдыхали вторые сутки. На небе не было ни облачка, а вода речки, под яркими лучами солнца еще не прогрелась, но искрилась. Занятые активным отдыхом они не сразу поняли, откуда доносится крик. Кто-то кричал только одно слово «нет». Это был даже не крик, а вопль, полный отчаяния. Крик повторился, а через секунду из посадки выбежала девушка. Она на бегу бросила сумку, обувь и бросилась в реку, метрах в пяти от мостика. Вся компания остолбенела. На поверхности воды показалась голова девушки. Она отчаянно била руками по воде и повто-

ряла одно: – «Нет, нет. Пожалуйста, Господи, нет». Ее голова опять скрылась под водой. Двое молодых людей бросились, не сговариваясь, к воде и прыгнули в реку. Для того чтобы утонуть, глубины хватало. Они с большим трудом вытащили незнакомку на берег, которая упорно сопротивлялась, пока один из отдыхающих не дал ей пощечину. Девчонка затихла, а потом горько заплакала, не стесняясь присутствующих. Плакала она, уткнувшись лицом в свои колени. Мокрый короткий сарафан облепил ее тоненькую фигурку. Одна из девушек принесла большое полотенце, похожее на простыню.

– Мальчики, дружно отвернулись и замерли. – Снимай сарафан и завернись. Волосы тоже просуши, – предложила одна. – Вода не прогрелась, можешь простудиться. Сарафан мы развесим на солнышке.

Девушка сняла сарафан, продолжая всхлипывать, закуталась в полотенце, распустив короткую косу. Вся компания расположилась с ней рядом. Девчонке было не больше пятнадцати лет. Милое лицо подростка, темные волосы, карие заплаканные глаза и невысокий рост.

– Ты решила утопиться, дуреха? – спросил один из спасателей. – Извини за рукоприкладство, иначе, мы бы тебя не достали.

– Вы подумали, что я решила топиться? – спросила она, глядя удивленно, продолжая все еще всхлипывать. – Я не собиралась этого делать. Мне, действительно, сейчас совсем плохо, но об этом я даже не думала. Мне нужно было, как-то

в себя прийти, поэтому я решила таким образом охладиться, вода в реке прохладная. И своим криком не хотела никого напугать. Если здесь кто и бывает, то только в выходные. Извините. – Она опять заплакала. Если бы не ее вздрагивающие плечи, можно было подумать, что она просто сидит, уткнувшись лицом в колени.

– Илья, у тебя есть валериана в аптечке? Мы так ничего от нее не добьемся. Девчонка совсем. Что-то с ней случилось.

– Не беспокойтесь, мне ничего не надо, хотя, дайте мне, если можно, выпить простой воды, – попросила она. – Я живу в этой деревне, за рекой – говорила она сквозь слезы, показывая рукой на противоположный берег. – Утром я уехала в больницу к маме на автобусе, поэтому и не знала, что у мостика кто-то есть, а назад вернулась на маршрутке, – продолжала девушка, делая несколько жадных глотков. – Меня папа еще в детстве научил, что нельзя копить в себе много страха и печали, нужно все выпускать наружу. Вот я и кричала. Извините еще раз за то, что испортила вам отдых. Меня Мариной зовут. – Она замолчала на несколько секунд, глядя перед собой. – Моей маме срочно нужна операция, а денег у нас не хватает, время не ждет, а выхода не находим. Я не могу продать даже свою почку из-за того, что мне нет и шестнадцати лет. Старшая сестра сердится и советует начать торги с девственности. Я понимаю, что она говорит несерьезно, да это и не выход из нашей ситуации, но помощи ждать не от кого. Такие вот невеселые дела.

– Ты чего удумала? Тебе когда шестнадцать исполнится?

– Первого июля. Не надо на меня так смотреть. С головой у меня все в порядке, за девятый класс сдала экзамены на пятерки. Я каждый день езжу в больницу навестить маму и в надежде на чудо. Чуда не случается. Хожу в церковь и молюсь, но Бог меня не слышит. Я свою душу дьяволу продала бы, не то, что почку, лишь бы мама моя жила. Она в своей большой семье была самая старшая. Родственники дали не столько денег сколько нужно ей, а сколько сочли не в ущерб себе. Они на ПМЖ всем семейством в Германию собираются. Папа кредит взял в банке под залог. Там тоже одни умники сидят. Дали не то, что просили и нужно, а столько, чтобы быстрее погасилось без риска. Больше у нас вариантов нет. Папа пошел по друзьям, партнерам, но воз и ныне там, – говорила она, ни на кого не глядя и так, как будто все это рассказывала сама себе. – Сегодня маме стало хуже после вчерашнего приступа, а ей всего сорок три года.

– Много не хватает? – спросил кто-то, скорее всего, просто для поддержания беседы. – Есть же какие-то квоты, фонды.

– Половины, – ответила равнодушно Марина, которая уже не ждала ни от кого помощи и надеялась только на чудо. – Квота есть на осень, зиму, но времени, дождаться ее, у нас нет. Простите меня еще раз, я пойду. Можно я переоденусь? Мой дом здесь недалеко, доберусь и в мокром сарафане.

– Марина, а твоя семья давно здесь живет? – спросил один

из спасателей, которого все называли Илья. – У меня отец родом из этих мест.

– Мои родители оба родились в пятьдесят седьмом году здесь, здесь и учились. После институтов вернулись сюда работать. Папа работал агрономом, а мама преподавала в школе. Про родину их родителей я не знаю. У моей мамы большая семья, а у папы всего один брат. Сережа и Полина, как и я, родились здесь. Это мой брат и моя сестра. Сергей погиб в девяносто пятом году в Чечне, сестре Полине девятнадцать, она в городе учится.

– А как зовут твоих родителей? Какая операция нужна твоей маме?

– Фамилия наша Дунаевы. Папу зовут Егор, а маму – Ольга. Девичья фамилия ее Бергер, она немка. Мама лежит в областном кардиологическом центре. У нее проблемы с сердцем. Прощайте.

– Подожди пару минут. Попробую тебе помочь, если конечно получится, – ответил Илья, направляясь к машине.

Он разговаривал по телефону минут пять-семь, при этом так жестикулируя руками, как будто убеждал собеседника в чем-то. Все присутствующие ожидали итогов этих его переговоров. Кто из любопытства, кто от искреннего желания помочь. Он спустился на берег, протянул Марине телефон.

– Придешь домой, поставь телефон на зарядку. Если телефон зазвонит и высветится абонент «отец», возьмешь трубку. Вечером принесешь его мне, и мы узнаем с тобой резуль-

тат. Все поняла?

– Поняла. Вы сказали, что на операцию у нас есть половина суммы? Человеку проще принять решение, зная, что сумма в два раза меньше. Вы думаете, он позвонит и попробует помочь? Что я могу для вас сделать? – спросила она, надевая еще влажный сарафан и прощаясь с остальными.

– Проводишь нас в свой супермаркет? Нам нужно на обед что-нибудь купить и на ужин. На свежем воздухе аппетит просыпается зверский, – говорил Илья, надевая шорты и футболку. Бери Милена большую сумку.

Почти всю дорогу они молчали. Марина шла впереди, а молодые люди, чуть отстав от нее. В глубине души, девушка очень надеялась, что телефон, который она несла в руках, обязательно позвонит, и проблема в их семье будет решена.

– Хотите, я вам вкусную окрошку сделаю, хотя и без кваса? – спросила она, остановившись и дожидаясь новых знакомых. – Вы зря критикуете наш сельский магазин. Продукты привозят каждое утро из города. Есть все и в одном месте. Купите колбасы пару сортов на свой вкус граммов по двести и тот майонез, который вы предпочитаете. Все остальное у нас есть. К парному молоку вы как относитесь? Пока все будет вариться, успею Зорьку подоить для вас. Магазин прямо по этой улице, не ошибетесь, а это мой дом. Я буду вас ждать.

– Милена, ты окрошку умеешь делать? А корову доить? – спросил Илья свою подругу, улыбаясь.

– Я вообще не знаю, из чего она делается. У нас готовят

суп, который едят холодным и называют летним. Посмотрим, какая деревенская кухня у Марины. Ей еще и шестнадцати нет, а она такая умница. Правду говорят, что горе в семье делает детей старше. Погибший в Чечне брат почти наш с тобой ровесник. Где же сердце у ее матери будет здоровым? Борис Романович сумеет девчонке помочь? Может, моего отца напрячь? Он толстокожий, но и его иногда пробивает. Ты знаешь, я до сегодняшнего дня думала, что все деревенские девчонки толстые и неуклюжие, хотя и не глупые. Одним словом – деревня. Были у нас на курсе такие, но к окончанию учебы менялись. Марина, мало того что юная, еще симпатичная, модная и разумная. Сарафан на ней приличный, так эффектно фигуру подчеркивает и рассуждает не по возрасту.

– Что есть, то есть. Через пару лет даст вам с Дианой фору, – смеясь, говорил Илья. – Подрастет, расцветет на свежем воздухе, и парном молоке. Она уже сейчас стройная, как березка. Подождем вечера. Отец позвонит в любом случае. Он твердо обещал сделать все возможное. Вопрос только в том: хватит ли у него времени на это? Наша знакомая сказала, что матери стало хуже. На сколько?

Глава 1

Ольга Бергер, Егор Дунаев и Борис Невский родились в один год и даже в один месяц, росли и учились в одном селе и одной школе. Они дружили с раннего детства. Ольга была старшей в многодетной немецкой семье, где помимо нее было еще пятеро детей. И отец и мать Ольги работали в совхозе: отец – бригадиром на машинном дворе, а мама на ферме. Егор Дунаев был старшим, из двух братьев в семье сельской интеллигенции, где мама была учительницей в средней школе, а папа агрономом. Борис Невский был единственным ребенком в семье, где отец был председателем сельского совета многие годы, а мама заведовала детским садом. Оле нравились оба парня, и дружба перешла в юношескую любовь. Внешне симпатичные молодые люди, высокие, занимались волейболом и баскетболом, играя за школьную команду, учились без троек, а главное не соперничали и право выбора предоставили ей. Она долго не могла определиться, кому же из них отдать свое предпочтение. Так и дружили втроем. Борис был всегда немного идеалистом, а Егор больше напоминал оптимиста. Оля, в отличие от обоих, была большой реалисткой. После окончания средней школы они вместе уехали в город и поступили в разные институты: Оля – в педагогический, Егор – в сельскохозяйственный, а Борис – в строительный. Втроем окончили первый курс, когда отца

Бориса перевели по партийной линии на работу в город. Борис Невский почувствовал себя почти городским жителем. Теперь у него перед Егором было большое преимущество. Он стал оказывать Ольге больше внимания, в надежде, что выберет она его, пригласил Олю в гости тайно от друга. Учеба в разных институтах, позволяла встречаться молодым людям в выходные дни или иногда вечерами. Оле было восемнадцать лет и ей, конечно, хотелось жить в городе, не думать, как месяц прожить на свою стипендию и иметь свою комнату в квартире, а не койку в комнате общежития. Она знала, что своим выбором не обидит Егора. Все происходило красиво и романтично. Они уже начали строить планы совместного будущего, когда в один из дней, на пороге квартиры появилась мать Бориса.

–Ты, сын, в своем уме? А если об этом узнает Тамара? Ты, Борис понимаешь, кто она и кто твоя Оля? Немедленно проводи Олю в общежитие, пока отец не узнал о ваших отношениях, – говорила мать, приводя один за другим доводы и дальнейшее развитие событий. – Оля, девочка, детство кончилось, пора тебе взрослеть и думать о будущем. Роман Ильич не позволит Борису такую роскошь, как влюбленность. Ты хочешь своего отчисления из института, из комсомола? Хочешь, чтобы родители получили письмо о твоем аморальном поведении? Не ломай ни себе жизнь, ни Борису. Ты не знаешь, на что может пойти его отец. Ты, может и хорошая девушка, но что ты можешь дать нашему сыну? Кучу

детей, как твоя мать? У парня все впереди, а ты ему хомут на шею вешаешь, в виде своей семьи. Прости, но ты не пара моему Борису.

– А как же любовь? – робко спросила Оля, стоя в прихожей. – Вы же знаете, мы давно дружим.

– Какая любовь? От вашей любви, сейчас только дети могут родиться. У тебя за плечами первый курс и ничего большего, у сына то же самое. Я могла бы смириться, ради сына, но его отец не сможет поступить так же. У него свои планы на будущее Бориса. Ищи себе ровню, или Егора, например, и любите себе друг друга на здоровье.

– Мам прекрати этот театр. Хватит! Если отец не согласится с моим выбором, я уйду из дому, и мы с Олей уедем.

– Не говори ерунды. Что ты умеешь делать и как прокормишь семью? Перейдете вы на заочное отделение, а дальше. Жить в общежитии ты теперь сможешь? Повесишь все на молодую жену? Оля, наверное, хорошая хозяйка, но где вы собираетесь работать без специальности? Мечты и реальность часто очень далеки друг от друга. Вместо дневного отделения, ты пойдешь в армию на два года. И как знать, дождется ли тебя Оля? Сколько молодых семей рушится из-за неустроенности быта? Отец не согласится никогда на этот брак. Я все сказала, теперь думайте сами. Выбор у вас не велик.

Оля шла рядом с Борисом и молчала, плохо слушая то, о чем он говорит, вспоминала слова его матери и невеселый

рассказ Бориса о Тамаре, способной на многое, и это оправдывало его в ее глазах.

– Борь, может твоя мама права и мы поторопились? Я хочу учиться, хочу получить профессию, и мне не нужны неприятности. Ты подумай, о том, как я после всего этого вернусь в деревню к своим? Пожалуйста, не приходи больше сюда, – говорила Оля, стоя у входа в общежитие. – Видно не судьба быть нам вместе.

– Ты испугалась первых трудностей? А как же наши мечты и планы?

– Думай, что хочешь, а я прислушаюсь к совету твоей мамы. Ты вспомни не только ее слова, но и слова своей новой знакомой Тамары, тогда поймешь, что выбор у нас действительно не велик. Я не испугалась трудностей, но нам не позволят быть вместе, и ты это понимаешь не хуже меня. Бороться с твоим отцом за право под солнцем, это все равно, что бороться с ветряными мельницами. Мы оба понимаем, что твоя мама во многом права. Прости, я ни о чем не жалею, но наши отношения закончились. Уходи.

Оля проплакала всю ночь в подушку и сделала вывод: «Борис никогда не станет моей судьбой. Его семья не примет меня. Не буду я больше даже думать о нем». Егор видел, что с подругой что-то происходит, и, воспользовавшись моментом, сделал предложение, которое она приняла. Они оба были молоды и жили ни разумом, а эмоциями. Ольга, чтобы окончательно порвать с Борисом Невским, позволила себе

близость с Егором. Борис не стал преследовать подругу и перестал караулить ее у общежития, узнав от Егора, что они собираются пожениться. Свадьбу они скромно сыграли в начале декабря, когда Оля была на третьем месяце беременности. Так, «деревня» и «город» разошлись в разные стороны. Бориса на свадьбе не было. Окончив второй курс, они оба перешли на заочное отделение и вернулись в родное село. В июле 1976 года Оля родила сына, которого назвали Сергеем. Она не была уверена в том, кто из друзей был настоящим отцом мальчика. Жила семья Дунаевых дружно. Егор души не чаял в жене, а Ольга, все реже вспоминала Бориса, и была хорошей женой. Они вместе построили добротный большой дом и воспитывали троих детей, родив в восемьдесят втором дочь Полину и в восемьдесят пятом Марину. Перестройка не только развалила совхоз, но и принесла в дом большое горе. В девяносто пятом, в Чечне погиб Сергей Дунаев, которому шел двадцатый год. Оля почувствовала впервые, как может болеть сердце. С этого и началось проблемы с ним. Совхоз постепенно начал приходить в упадок. Получив законные гектары, Дунаевы объединились со своей многочисленной родней Бергер и стали фермерским хозяйством. Они выращивали зерновые и овощные культуры, держали небольшую ферму коров. Егор был хорошим агрономом, а Ольга продолжала работать в школе, но все чаще стала жаловаться на боли в сердце. Полина окончила третий курс педагогического училища, а Марина девять классов. Великое пересе-

ление в Германию затеяли родители и родственники Ольги, которым было за шестьдесят лет. Не против переезда были и их потомки. Из семьи Дунаевых за отъезд была только Полина. Ни отец, ни мать не возражали, но сами выезжать отказались наотрез.

– Старшее поколение получит пособие или пенсию, молодежь быстро адаптируется со знанием языка и найдет себе применение. А куда я подамся в свои сорок пять с дипломом союза и без знания языка? – говорил Егор жене. А, Маринка? Куда ее? В санитарки, в сиделки? Тебе Олюшка проще, ты хотя бы язык знаешь, а что мы крестьяне там будем делать? Куда подадимся?

Марине тоже не хотелось никуда переезжать. Во-первых, она уже не была ребенком и понимала такие вещи, как согласие в семье и взаимопомощь. Среди членов семей Бергер и Мартенс не было ни того, ни другого. В последнее время каждая семья «тянула одеяло на себя» и болезнь мамы это подтвердила. Внезапно «обнищавшие» родственники, а их было десять семей, готовились к переезду, по меньшей мере, через год, но дали денег по две-три тысячи, вместо хотя бы пяти. Девушка не понимала, почему братья и сестры мамы, которых она вырастила, такие бессердечные, включая и родителей. Ведь у отца была возможность погасить им долги еще до отъезда, на это было время. Отец выставил и дом на продажу, но цены резко упали из-за такого количества продаваемого жилья в одном селе. Марина каждый день ездила

к маме в больницу в надежде на чудо отсрочки операции. Сегодняшняя поездка и разговор с доктором, которому хотелось помочь этой девчушке, расстроил Марину. Она не знала, как обо всем рассказать отцу и от отчаяния прыгнула в воду, чтобы как-то привести себя в чувство. «Городские подумали черт знает что. Я так была похожа на самоубийцу?» – думала она, ожидая новых знакомых из магазина. На плите варились яйца и картофель, сама она пошла доить корову. Зорьку вторую неделю привязывали в конце огорода в тридцать соток. Так было проще. Пустующая земля, покрытая травой, была для нее спасением. Корма ей хватало, а вода была рядом. Кроме того, ей было, где укрыться в жару. Рядом росла старая яблоня. В этом году Марина с отцом посадили только зелень, огурцы да томаты. Все то, что пойдет заготовкой на зиму. До остального не доходили руки. Отец от зари до темна был в поле, а у Марины были экзамены. Ее новые знакомые Илья и Милена, вернувшиеся из магазина, застали юную хозяйку за приготовлением окрошки. Работала девушка, как заправский повар.

– Вы куда столько колбасы набрали? До вечера не съедите, будете всей компанией по кустам прятаться, – говорила она, не отрываясь от работы. – На дворе лето, она пропадет у вас к вечеру без холодильника.

– Марина, ты отрезай, сколько нужно, а остальную, убирай к себе в холодильник. Ты нам лучше дай картошки, мы ее в костре запечем, как в юности. Можно?

– Полезайте в погреб и выбирайте все, на что упадет взгляд. Все банки с надписями. Картошку от морковки отличить сможете?

– Марина, да у вас здесь немаленький склад продовольствия. Закрома! – говорил Илья, поднимаясь из погреба. – Ты думаешь, мы не в курсе, что такое картофель и с чем его едят? Напрасно. Это есть в школьной программе по ботанике или биологии. Я даже помню, что называют клубнем, а что ботвой. Шучу. Набрал банок, согласно надписям: « Икра баклажановая», «Салат Донской» и т.д.

Так за изучением заготовок и разговорами, Марина собрала сумку с едой.

– Что у вас с посудой? – спросила она, передавая сумку Илье.

– Посуда у нас есть вся разовая, хлеб и кое-что мы купили, ты снабдила нас обедом.

– Захватите половник. Как Вы из бидона будете разливать по тарелкам окрошку? Вечером я принесу Ваш телефон и на ужин сделаю омлет с колбасой. Если вы не против молока, принесу еще вечернего удоя.

– Далась тебе эта колбаса, – смеясь, говорил Илья. – Молоко очень вкусное. Будем пить молоко вместо пива, оно полезнее.

Проводив новых знакомых и направляясь в курятник, Марина продолжала думать: « Вдруг у него получится нам помочь. Только бы мама поправилась. Господи, помоги нам

справится с этой бедой. Папу надо вечером кормить. Раз перебор с колбасой, я сделаю и папе окрошку».

– Что, хохлатки, Как сегодня дела с производительностью? – спросила она, обращаясь вслух к курам, наливая им воды и насыпая зерно. – Как поживает юное племя? – обратилась она к наседке. – Ты береги детей, чернушка, они наш стратегический запас на зиму.

Закончив в курятнике, она вернулась в дом. Дом у Дунаевых был добротный. Три спальни, зал, большая кухня с котельной и веранда. «Уборка у меня была вчера. Приготовлю папе ужин и займусь глажкой. Надо бы пройтись по клубнике, может, остатки ягод вызрели?» – подумала она, проходя в кухню. Пожарив оладьи из кабачков, сделав окрошку и поутюжив белье, она в семнадцать часов увидела, что во двор входит отец, а вот звук его подъехавшей старенькой «Нивы» не слышала. Вид у отца был встревоженный и сердце ее екнуло. Она вышла ему на встречу. Отец снял футболку и окунул голову в бочку с водой, набранную для полива цветов во дворе. Он окунал ее раз за разом, задерживая дыхание на пару секунд.

– Пап, что случилось? Пап, не молчи, – спрашивала она, а голос начинал дрожать.

– Не волнуйся, сейчас все расскажу, – ответил он, снимая с веревки полотенце и вытирая им лицо. Отец подхватил дочку на руки и закружил по двору, потом посадил ее на крыльцо в две ступеньки и присел рядом. – Доктор звонил.

Маму нашу завтра оперируют. От меня нужен документ на операцию. Какой-то благотворительный фонд сегодня внес всю сумму. С этим я завтра разберусь. Маня, наша мама поправится, – сказал он, и голос чуть дрогнул. – Давай мы сейчас перекусим, я вымою машину, а завтра с утра поедем в город.

– Пап, что еще сказал доктор? Мы маму завтра увидим? Ей сегодня не до разговоров со мной было. Я видела, что ей тяжело. А вот доктор, мне ничего не обещал, просил надеяться на чудо.

– Вот чудо, Маня, и случилось. Доктор мне час назад звонил. Поедем пораньше и обязательно увидим нашу маму. Ты чайник ставь, за чаем и поговорим, а поужинаю я позже, когда подготовлю машину, да душ приму.

Марина вошла в дом, включила чайник и принялась делать отцу бутерброды, когда раздался звонок мобильного телефона Ильи. На экране высветилось «отец» и она нажала зеленую кнопку.

– Да, я Вас слушаю.

– Тебя зовут Марина? Доктор звонил твоему отцу? – спросил звонивший.

– Да, я Марина Дунаева. Доктор звонил папе и сказал, что операцию назначили на завтра. Это сделали Вы? Вы отец Ильи?

– Это сделал мой хороший знакомый. Я тебя попрошу всего об одном одолжении: не говори отцу ни о разговоре с

Ильей, ни о моем звонке. Я когда-то дружил с твоими родителями, но Егор может не принять эту помощь. Не потому, что я сделал что-то плохое, я просто забыл друзей на четверть века. Сделай, как я прошу. Договорились?

– Спасибо огромное. Я выполню вашу просьбу и ничего не скажу папе. Ему доктор уже сообщил о благотворительном фонде и папа, кажется, поверил. Илья сказал Вам о том, что половина денег у папы есть? Как теперь быть с этим? Он будет искать этот фонд, чтобы не быть должным.

– А ты, значит, не поверила? – спросил ее звонивший. – Не переживай. Фонд частного лица, и он, если помогает, то делает это безвозмездно.

– Нет. Я же сама завела разговор с компанией Вашего сына и выполняю его наказ. Илья попытался нам помочь, и у него это получилось с Вашей помощью. Мы перед Вами в неоплатном долгу. Я телефон отнесу Илье часа через два. До свидания.

– Все будет хорошо у вас, Марина Дунаева. Я разговаривал с доктором. Твоя мама Оля обязательно поправится, и фонд ей в этом поможет.

– Кто звонил и чей это телефон? – спросил вошедший в дом отец.

– Отдыхающие из города попросили об одолжении. Три палатки стоят у мостика, две машины.

– На бензине экономят или автомобильной зарядки нет, – пошутил отец.

– Я не спрашивала. Показала, как пройти в магазин, продала три литра молока, разжилась колбасой, сделав им окрошку, и обещала на ужин омлет с телефоном. Пап, ты чего? Они парами отдыхают. Одна из них и была у нас дома: Илья и Милена. Правда красиво звучит – Милена. Ни то Мила, ни то Лена, а все вместе красиво.

– Кому это когда мешало? Была пара, и нет ее, а появилась новая.

– Папка, это не подростки. Они взрослые люди, дипломы свои «обмывают», но запаха алкоголя я от них не унюхала. Приличные молодые люди. Хочешь, пойдем со мной вечером, сам убедишься.

– Не буду я тебя контролировать. Я доверять тебе должен. За светло иди, чтобы я не волновался. Зорьке опять огород сторожить.

– Пап, мне так внутри тревожно и волнительно. Как пройдет операция? – говорила грустно Марина. – А сколько продлится период восстановления? На это тоже нужны деньги? Пап, ты теперь можешь деньги банку вернуть?

– Деньги пусть лежат. Когда мама окончательно поправится, мы решим, сколько сможем погасить долга. Рано об этом думать. Я тоже очень волнуюсь. Ты пока не говори ничего никому. Они за неделю ни зашли, ни разу ни к нам, ни к маме в больницу. Или я чего-то не знаю?

– Не было никого. Полине надо позвонить, а придет или нет ее дело. Мама не говорила о том, что кто-то ее навещал.

Она и сама ни о ком у меня не спрашивала. Ты на них не сердись. Помочь ей они ни чем не могут, а маме спокойнее без них.

– Утром перед отъездом и позвоним. Она в городе, рядом, да толку мало, – говорил отец в сердцах. – На чемоданах сидит.

– Пап, садись к столу и ешь бутерброды. Окрошка и оладьи из кабачков в холодильнике. Это на случай, если ужинать будешь без меня. Я приготовлю все вещи на завтра, проверю цыплят, подою Зорьку, приготовлю омлет и схожу к мостку. Папуль, может ягоду собрать и продать, плюс молоко и будут деньги на бензин.

– Коммерсант ты мой, доморощенный. Дерзай, – улыбнулся отец, поедая бутерброды, припивая их чаем.

Они проговорили еще с полчаса, а потом каждый занялся своим неотложным делом. Марина собрала клубнику, которая уже заканчивалась, но попадалась еще крупная ягода и малину, которая только дня три назад начинала вызревать. Два контейнера объемом на полтора литра из пластика вместе с ягодой весили больше двух килограмм. « Можно просить смело пятьсот рублей. Это уже не благодарность Илье, а десерт его приятельницам. Отнесу то, что обещала, а это предложу купить, – думала она, заканчивая кормить цыплят. – Моя благодарность не знает границ, но они могут подумать совсем о другом». Около восьми вечера она подоила корову, слила молоко в две полуторалитровые бутылки, сло-

жила ужин в два контейнера, поставив все в сумку, а контейнера с ягодой в пакет, сверху на крышки положила телефон и зарядку. Переоделась в бриджи и футболку, обула сандалии, собрала волосы.

– Пап, я ушла. Максимум через час вернусь, не волнуйся.

– Тебе может садовую тележку взять? Не надорвешься? – пошутил ей в след отец.

Через десять минут она была у реки, переходя мостик.

– Вот Ваш телефон, а в сумке еда, разберетесь, – передавая сумку Илье, сказала Марина. – Спасибо вам большое, – она не удержалась и неумело поцеловала его легонько в щеку, покраснев при этом. – Простите, это я от радости. Маму завтра оперируют, папе доктор сам позвонил, а мне Ваш отец.

– Садись. Мы поужинаем твоим шедевром, заберешь посуду, а я помогу донести. Окрошку оценили, ни грамма не осталось.

– Мне неудобно предлагать вам десерт, но он у меня сегодня платный. Купите? – спросила она и открыла контейнера с ягодой.

– Красота и вкуснятина, наверное. Сколько? – спросила Милена

– Пятьсот рублей, – смущенно ответила Оля. – Могу отдать дешевле.

– На что, если не секрет? – спросил молодой человек, которого все звали Руслан.

– На бензин. Мы с самого утра в город с папой на машине поедем. У нас старенькая «Нива», но пока не подводила. Навестим маму до операции и будем ждать ее окончания. Вы не подумайте, что мы совсем без денег. Мне сейчас не до переработки ни молока, ни ягод, чтобы делать творог или варить варенье. Есть более важные дела.

– Держи, – сказал молодой человек по имени Владислав и протянул ей тысячную купюру.

– Вы не поняли. Всего пятьсот рублей, за все.

– Я похож на идиота? Все я прекрасно понял. Ягода, ее сбор, работа повара, работа курьера, домашние заготовки, молоко, которое в городе не купишь, а если и купишь, то не дешевле сотни. Бери, ты их честно заработала.

– Марина, бери не стесняйся. В этом нет ничего зазорного. Это Илья тебе помог, но при этом ты не обязана из благодарности кормить и поить всю его компанию, – сказала Милена, обнимая ее за плечи. – За десерт тебе большое спасибо. Где бы мы еще поели экологически чистые продукты?

– Вы, правда, не считаете меня бессовестной? – тихо спросила Марина. – Мне еще не приходилось самостоятельно реализовывать продукты.

– За сегодня мы тебе очень благодарны и за обед, и за ужин, – сказала девушка, которую все называли Диана. – Тебе следует меньше стесняться и знать себе цену. Тебе самой не приходилось торговать на рынке? Привыкай. Так ты и родителям поможешь и людей накормишь хорошими продук-

тами. Считай, что ты продала сельхозпродукты знакомым по сходной цене. Я, будь на твоем месте, сейчас попросила гораздо больше, а потом бы торговалась. Я могу торговать этой клубникой поштучно, и посмотрим, сколько заработаю.

Все понимали, что Диана шутит для разрядки напряжения. Ужин закончился, посуду уложили в сумки и Марина, со всеми попрощавшись, собралась возвращаться домой.

– Вы теперь знаете, где я живу. Будет желание, заходите в гости, когда будете отдыхать в следующий раз. Удачи вам всем.

– Я провожу тебя, давай сумки, – предложил Илья.

Они минуты три шли молча.

– Ваш отец, Илья, сказал о том, что знает моих родителей, что они были знакомы в юности. Что вы об этом думаете?

– Ничего. Я знаю, что мой отец родом из этих мест, но после школы здесь не был, деда уже тогда перевели в область. А почему ты об этом спрашиваешь?

– Ваш отец просил не говорить моему отцу ни о разговоре с Вами, ни о его звонке. Сказал, что в юности он дружил с моими родителями, что помощь оказал один хороший знакомый, но папа может ее не принять. Вам не кажется это странным? Он зря так считает. Мы оба готовы продать душу дьяволу, а не то, чтобы ни простить былые обиды и проступки, лишь бы мама поправилась.

– Все будет хорошо. Почку продавать не придется, а свою девственность не продавать надо, а отдать по любви. Запом-

ни это. Ты подрастай скорее, а я подожду. Будешь в городе, звони. Держи сумку, – говорил он ни то серьезно, ни то шутя.

– Не смогу. У меня нет телефона. Здесь он не нужен. Вы свою фамилию мне назовете или так и останетесь инкогнито?

– Илья Невский, семьдесят девятого года рождение, – говорил он улыбаясь.

– Как Вы думаете, кому возвращать деньги? Папа говорит о фонде, но я, то знаю, что это, ни так.

– Чтобы у тебя не было вопросов, я позвоню отцу прямо сейчас, – сказал он, набирая номер. – Пап, Марина волнуется: кому и когда надо вернуть деньги за операцию? Ты уверен, что доктор не проговориться? Передам. Спасибо. Пока, – закончил он разговор. – Успокойся. Деньги возвращать никому не надо. Все сделано так, как благотворительность. Доктор сказал правду и будет на этом настаивать. Реабилитация после операции полностью оплачена. Успокоилась? До встречи, малыш.

– До свидания и еще раз огромное спасибо. Я уже слышала эту фамилию, но не помню при каких обстоятельствах.

Она наблюдала за ним в щель калитки и ее сердце пело. Она не могла определить для себя: это была благодарность за помощь или чувство влюбленности с первого взгляда? А может и то и другое.

– Пап, я вернулась, – крикнула она отцу, входя в дом. Ты поужинал?

– Заканчиваю. И кабачки и окрошка удались. Спасибо, дочка. Спать раньше ложись, подниму на рассвете. Управимся быстренько с хозяйством и поедем. Как твои отдыхающие?

– Кроме пустой посуды, заработала тысячу рублей за молоко, ягоду и доставку. Зря ты надо мной смеялся. Держи за проезд, – улыбнулась Марина, протягивая отцу деньги. – Ты сам долго не засиживайся. Спокойной ночи. Вещи я приготовлю.

Марина долго не могла уснуть, закончив все свои дела. Она снова и снова возвращалась к событиям сегодняшнего дня. « Это не случайность, – думала она. – Ведь я могла не прыгнуть в воду, а они не бросились меня спасать. Я могла не рассказать им всего, а они могли принять мою историю равнодушно. Спасибо тебе, Боже, что случилось то, что случилось. И Илье спасибо, и его отцу. Илья мне очень понравился. Ему сейчас двадцать два и я для него совсем маленькая девочка, да и девушка у него очень красивая». Она закрывала глаза и видела перед собой лицо Ильи. Словно вспомнив что-то, она прошла в комнату и нашла альбом с фотографиями. Тот альбом, где хранились фотографии юности отца и мамы. Среди них она обнаружила несколько черно-белых снимков двух молодых людей. На них была надпись «Дунай и Нева». На некоторых фото, между ними стояла мама. « Дунай, Дунаевы – это мы, а Нева, это, скорее всего Невский. Отец Ильи и есть друг детства мамы и отца. Илья и похож

на молодого Невского. Что же между ними тогда случилось, если он просит не говорить папе о звонке? – думала она, закрывая альбом. – Чтобы между ними не произошло, он, не задумываясь, оплатил операцию и реабилитацию мамы. Они не виделись четверть века, он мог забыть о них, а он помог. Дай, Бог, ему здоровья. Надо у папы осторожно и не навязчиво спросить о молодости и друзьях юности».

Марина была не выше метра шестидесятипяти, худенькая, но не тощая, с маленькой грудью, не знающей еще бюстгальтера. Темные волосы до плеч, карие глаза и смуглая кожа. Девушка, как будто, круглый год посещала солярий. Одевалась она модно и по сезону, а вещей было с избытком, благодаря сестре Полине. Полина училась в городе и не хотела выглядеть хуже городских девушек. Не успев приобрести одну вещь, она уже покупала новую, вводя родителей в затраты, передавая предыдущую сестре в наследство. Марина, с помощью мамы, подгоняла вещь под себя и была всегда модно одета. Не повезло ей только с обувью. У сестры нога была на два размера больше.

Утром, еще не было и восьми часов, отец с дочерьми были уже в отделении. До операции они повидали жену и маму. Визит был коротким, но нужным для всех.

– Олюшка, мы будем рядом, а ты будь молодцом, – говорил муж, целуя жену. – Мы рядом, помни об этом.

Потом, пока длилась операция, время для троих остановилось. Операция прошла удачно и через три недели Дуна-

ев забрал жену из больницы. Полина весной вышла замуж, летом окончила училище, получив диплом учителя начальных классов. Отец погасил кредит. Марина окончила десятый класс, и ей исполнилось семнадцать лет. Она не забыла Илью и продолжала тайно его любить. Осенью все многочисленные родственники отбыли на ПМЖ в Германию. При этом трем семьям так и не удалось продать свои дома. Все они оставили доверенности на продажу, оформив их на отца, и все понимали, чтобы продать дома, их надо поддерживать в приличном состоянии, особенно зимой.

– Давай Егор без обид. Продашь дома, тебе, возможно, хватит средств погасить долги по кредиту за Олину операцию, – говорил брат Ольги, не подумав о том, когда найдется покупатель, и какие будут цены на рынке недвижимости.

Егора успокаивало одно. Во-первых, долгов у него уже не было, о чем родственники даже не догадывались, а во-вторых, дома были не старше пятнадцати лет и добротные. Встретив Новый 2003 год, пережив зиму, Марина стала готовиться в школе к выпускным экзаменам. ЕГЭ она сдала более чем прилично и после выпускного вечера собиралась подать документы в медицинский университет. Она и дату поездки уже определила.

Глава 2

День рождения в этом году выпадал на вторник, и Марина решила поехать в город в понедельник, купив себе подарок, на который родители выделили деньги. После обеда в воскресенье, отец уехал в поле, а мама прилегла отдохнуть в своей комнате. Она старалась в жаркую погоду не выходить из дому, либо находиться в тени. Все дела в огороде делались с пяти до девяти утра и с семи до десяти вечера. Марина оберегала маму от физических нагрузок, позволяя только легкую работу да приготовление обедов. Она услышала, как к дому подъехала чья-то машина. Звук был не папиной «Нивы», и она вышла за двор.

– Привет, красавица! Тебя трудно узнать. Мало того, что повзрослела, ты еще и подросла, – сказал Илья, опустив стекло. – Придешь к мостику? У меня для тебя подарок есть. Жду тебя через полчаса на том берегу, – улыбнулся он.

– Это плохо? Приду, а Вы уезжайте отсюда, пока Вас соседи не срисовали и не пустили необоснованные слухи. У нас с этим просто.

Развернув машину, Илья уехал, а Марина, взволнованная этой неожиданной встречей, не знала с чего начать, что на себя надеть и как себя вести с ним. Они не виделись два года, а знакомы были всего несколько часов. Присев на крыльцо, она закрыла лицо руками, пытаясь успокоиться. « Прие-

хал! Он, все-таки, приехал, – повторяла она. – Мало ли с чем он приехал. Может, теперь у него проблемы? Надену шорты, майку, напишу маме записку. Чего волноваться, если я не знаю о его намерениях? Что-то же его привело сюда через два года. Он почти не изменился. Хотя о чем я говорю? Мы виделись всего один раз, и я запомнила его таким, каким запомнила, а потом не видела столько времени», – переодеваясь, думала она, оставив для мамы короткое сообщение на листке: «Вернусь к 17:00». Она, неспеша, шла к мостику. Илья ждал ее на том берегу. На нем были светлые брюки, которые он подкатил до колена. С голым торсом и босой он бродил по песчаному берегу. Сегодня здесь отдыхающих не было. Увидав Марину, он поспешил к ней на встречу.

– Привет еще раз, – сказал он, беря ее за руки. – Как твоя мама? Как ее здоровье? Как вообще твои дела? – спрашивал он, глядя на нее, и улыбался.

– У нас все хорошо, спасибо. Я сдала все экзамены и завтра отвезу документы в медицинский университет, – говорила Марина, глядя ему в глаза. – У Вас все в порядке? Что за дела у Вас в наших краях? Ваш приезд такая неожиданность для меня.

– Можно, я тебя поцелую? – вместо ответа спросил Илья.

– Один раз, в честь нашей встречи, можно, – ответила она и улыбнулась. Она не подумала о том, что подарит ей этот поцелуй. Илья обнял девушку и поцеловал в губы. Поцелуй был короткий, но сердце девушки забилось так часто, словно

хотело выскочить из груди.

–Как же я долго ждал этого момента, – сказал он Марине, обнимая ее. – Ты очень изменилась. Повзрослела и, мне кажется, даже чуть подросла. «Она и раньше не была гадким утенком, а теперь стала лебедем», – подумал он.

– Вы просили меня быстрее расти, я так и делала.

Они присели прямо на песок в метре от воды.

– Рассказывай обо всем. Как школу окончила? Парень у тебя есть? Какие шансы на поступление?

– Экзамены сдала хорошо. Друзей у меня много, но того, единственного, нет. Процентов семьдесят, что я пройду на бюджет. В противном случае останусь учиться на коммерческой основе, но каждый год буду думать о переходе. Через месяц будет ясно, чего я стою.

– Ты у меня бесценная. Ты так и живешь без телефона? А как будешь общаться с родителями? – спросил он, поднимаясь на ноги.

– Кому и куда я буду звонить? Поступлю учиться, посмотрим. Если мне не дадут общежитие, я буду каждый день видеть своих родителей, уезжая утром и возвращаясь после обеда.

– Будешь мне звонить, подожди минутку, – сказал он и пошел к машине, вернувшись через пару минут. – Это мой подарок к твоему совершеннолетию, – сказал он, протягивая ей коробку с сотовым телефоном.

– А как я объясню это приобретение родителям? – спро-

сила Марина, разглядывая темно-вишневую «раскладушку» Самсунг, да и день рождения у меня через два дня.

– Скажи правду. Держи упаковку с «запчастями». Там зарядное устройство и наушники. Можешь слушать радио, делать фото. Звони мне в любое время. Я внес в память номер своего телефона, а твой номер на упаковке. Сим-карту я купил на свое имя. В моем подарке нет ничего такого, за что можно ругать.

– Спасибо, Вы меня начинаете баловать, Илья.

– Маришка, во-первых, перестань мне выкать, я еще не так стар в свои двадцать четыре, а во-вторых, давай завтра встретимся в городе. Ты управишься до обеда? Вечером я привезу тебя сюда.

– Илья, а как же Милена? Вы с ней не дружите?

– Я хочу с тобой дружить, малыш. Я попробую объяснить все Милене. Она и сама поймет, что я влюбился, как мальчишка. Это трудно скрыть, – сказал он, обнимая Марину, чувствуя давно забытую нежность, и необъяснимую щемящую тревогу.

Они просидели на берегу еще час, разговаривая обо всем и ни о чем.

– Беги домой, пока тебя родители не потеряли. Осваивай телефон, а завтра я жду твоего звонка, – говорил он, целуя ее. – Иди. «Господи, что я делаю, и что твориться со мной? – думал он, провожая взглядом девушку. – Два года назад она зацепила меня так крепко, что я не смог просто поиграть с

ней и бросить. Я не знаю, чем она меня взяла. Может, своим характером? Возможно, самостоятельностью, детской наивностью, непорочной юностью, взрослой порядочностью. Меня останавливал только ее возраст. Нужно было быть круглым идиотом, чтобы заводить роман, пусть и короткий, с несовершеннолетней, воспользовавшись ее хорошим расположением. Но, я о ней не забывал все это время. Не скажу, что слишком часто вспоминал, но, когда мне было тоскливо, я ясно представлял девчонку, которую встретил на реке и подсознательно ждал, когда она подрастет. На что я рассчитываю сейчас? Этот идиотский план с подарком придумывал зря. Надеялся, что увидав ее, я разочаруюсь, выброшу ее из своей головы, а вляпался еще сильнее. Мне так не хочется с ней расставаться. Может это и есть любовь?» – думал Илья, за рулем авто, возвращаясь в город.

Марина вернулась домой во время, все еще чувствую на своих губах губы Ильи.

– Мам, мне сделали подарок ко дню рождения. Взгляни, – сказала она, открывая упаковку. – Правда, красивый телефон?

– Ты, дочка, про бесплатный сыр поговорку не забыла?

– Мамуля, я даже помню пословицу о буре в стакане воды. Мы с ним познакомились два года назад здесь, у нас на речке. С тех пор я его не видела. Сегодня он приехал меня просто поздравить. Не думай о нем плохо, он этого не заслуживает.

– Чего мне о нем думать? Я о тебе беспокоиться, забо-

титься должна, а не о чужом дяде. Ты теперь у нас девушка взрослая, да и он, судя по подарку, не юноша, который думает только о том, как соблазнить девчонку. Любить запретить нельзя, – обнимая дочь, говорила мать. – Сколько же ему лет, что он два года ждал, чтобы объявиться?

– Двадцать четыре. Он окончил университет и уже работает два года. Зовут Илья, а больше я тебе ничего не скажу. Я перед твоей операцией так переживала, что по дороге домой, чтобы прийти в себя, бросилась в речку. Они отдыхали на том берегу, и решили, что я собралась утонуть. Вот так и познакомились.

– Отец был в курсе этого события? – спросила мать, глядя на дочь пристально.

– Да. Я папе обо всем рассказала, и он поднял меня на смех, когда я продала им молоко и ягоду, назвав коммерсанткой.

– Я тебе, Мариша, только один совет дам: не позволяй себя обижать. Твоя взрослая жизнь только начинается. Любовь хороша тогда, когда она настоящая и взаимная. Влюбленность проходит, а любовь остается надолго, если не навсегда. Это трудно порою сразу понять, и мы делаем ошибки.

Утром Марина уехала в город. Сдав документы в приемную комиссию, она позвонила Илье и теперь ждала его у входа в главный корпус. Илья ее едва узнал. Девушка, ожидающая кого-то, очень напоминала Марину, но была одета, как городская модница. Легкое, синее в горох, короткое пла-

тье с пышной юбкой и белым воротничком, подчеркивали ее стройную фигуру, а белые туфли на каблуке делали ее выше ростом. Волосы, подобранные у висков причудливым образом, спадали волнами на плечи. Через плечо висела небольшая дамская сумка.

– Ну, ты даешь, малыш! Куда поедем? – спросил Илья, выйдя из машины и целуя Марину. – Хорошо выглядишь, я тебя сразу и не узнал. Все дела сделала?

– Документы сдала, дела закончила. Поедем, куда повезешь, – ответила она. – Я города вообще не знаю. Единственный знакомый маршрут « Автовокзал – больница». Ты сейчас мне комплимент сделал или начал просто разговор?

– Ты выглядишь восхитительно, потрясающе. Тебе идет этот наряд. Так лучше? – спрашивал он, улыбаясь и открывая перед ней двери авто. – Поехали в кафе и начнем отмечать ни твой день рождения, а успешную сдачу экзаменов и документов в вуз, а день рождения отметим позже. Договорились?

Они побывали в кафе, заказав пирожные с соком, побродили по парку, поедая мороженое, прокатились на речном трамвайчике. Илья подарил ей букет роз и к шестнадцати часам отвез к мостику.

– Спасибо, Илья, за все, – сказала Марина. – Давно у меня не было такого праздника.

– Я приеду в субботу часов в десять, – говорил Илья, целуя ее. – Не забудешь?

– Буду ждать ровно в десять и не сяду ни в одну маршрутку, – смеясь, отвечала Марина.

«Это уже не каприз, а болезнь влюбленного. Мое чувство к ней гораздо сильнее страсти и природного инстинкта. Присутствие ее рядом радует и волнует. Мне нравится в ней все: внешность, фигура, манера говорить, ее наряды. А главное ее глаза. Они просто меня обескураживают», – думал он, возвращаясь в город.

Конфетобукетный период затянулся на месяц. Первого августа Марина стала студенткой, прочитав приказ о зачислении. Учитывая расстояние от деревни до города, ей с большим трудом выделили койко-место в общежитии. Это была не необходимость, а настояние отца.

– Дочка, мы не знаем какая будет осень и зима впереди, а так ты сможешь в непогоду жить в общежитии, а пока тепло, можешь появляться там пару раз в неделю. Можно и квартиру снять, ты подумай, где тебе будет удобнее. Мы с матерью, в любом случае, будем без тебя скучать.

– Не надо квартиры, папа. До нее добираться не меньше, чем до нашего дома, а деньги заплати. Не получится с общежитием, буду жить дома.

Марина получила койко-место в общежитии университета, но из вещей перевезла только самое необходимое. До начала занятий она встречалась с Ильей в выходные дни, которые они проводили в городе. Иногда он приезжал в будний день, и они встречались на речке. Илья, в надежде на

дальнейшие отношения с Мариной, навел порядок в своей квартире, сказав ей что «снял» квартиру, недалеко от общежития. Он привез ее туда с началом занятий, в один из выходных дней сентября. Квартира располагалась на шестом этаже нового девятиэтажного дома и была двухкомнатной. Стандартные наборы для спальни, зала, кухни, ванной комнаты. Просто, но чисто и уютно. Марина заметила, что Илья ориентируется здесь довольно хорошо. «Либо это квартира его, либо он здесь ни в первый раз», – подумала она, обходя комнаты. В шкафу на полках лежали вещи и белье, а на плечиках висели несколько рубашек, костюм и брюки.

– Я привез часть своих вещей, на всякий случай. Советую тебе сделать то же самое. Так будет удобнее, – говорил он так, как будто оправдывался.

– Ты хочешь, чтобы я отсюда ездила в университет? Но я должна появляться дома, пока не поставлю в известность своих родителей о нашей дружбе. Общежитие – хорошее прикрытие, но ненадежное. Мой отец может приехать неожиданно, если я долго не буду приезжать домой. Это не контроль, они просто скучают. Мы всегда жили вместе, и к разлукам надо привыкнуть.

– Я буду подвозить тебя на занятие. Отвозить в выходной, скажем в субботу вечером, и забирать днем в воскресенье. Так устроит?

– Поживем, увидим, – сказала Марина, прижавшись к его груди. – Я такая счастливая рядом с тобой, даже страшно.

Так бывает?

– Ничего не бойся. Я умею ждать и не сделаю ничего против твоей воли. Как взрослый мальчик, буду вести себя по-взрослому, а ни как подросток. Успокойся, не спугни счастливые мгновенья.

– Я с тобой ничего не боюсь, – сказала Марина, обняв его за шею. – Пусть это случится, но неожиданно для меня.

Илья не стал торопить события и перевел беседу в другое русло. Чуть позже, объятия и поцелуи Ильи становились более страстными. Эти поцелуи и ласки вызывали у неискушенной Марины необыкновенные ощущения, и она плохо понимала сама себя. Тело жило своей жизнью, а голова была абсолютно пустой. Ее не смущало, что она нагая в чужой квартире отдается мужчине, которого так искренне любит. Она сама подалась к нему навстречу, сгорая от желания, и издала звук, похожий на тихий стон. Илья был очень нежным и ласковым, он не мог позволить, чтобы Марина разочаровалась в близости.

– Ты моя женщина, – говорил он, целуя ее. – Я тебя никому не отдам. Как ты?

– Легкий дискомфорт можно пережить ради ощущения полета и наслаждения. Нам следует принять меры предосторожности.

– Не будем мы этого делать. Я уже сейчас готов на тебе жениться. Возможная беременность только ускорит это событие.

– Я только начинаю учиться, а ты мне говоришь о детях. Как же учеба? Шесть лет впереди. Ты сам говорил, что мечты должны сбываться. Может, не стоит торопиться нам с тобой с женитьбой, с детьми?

– Ты забыла о том, что я работаю и могу позволить нашему ребенку няню. Ты будешь учиться, не переживай, а все домашние хлопоты я возьму на себя, – отвечал он с уверенностью.

Разговор с Миленой у Ильи состоялся только через два месяца. Милена жила в квартире, которую купил ей отец, ее сын, которому было четыре года, жил у ее родителей и воспитывала его няня, а Илья жил чаще с родителями за городом в коттедже. Милена была красивой, умной женщиной и никогда не упускала своего. Она действовала на Илью, как удав на кролика. Разум его говорил: – «Остановись», а похоть толкала в спину ей на встречу. Она давно считала его своим женихом, хотя он и не делал ей предложения. Да, они встречались чуть больше двух лет, родители их принимали, как пару, но разговоров о свадьбе не велось. Теперь Илья, зная натуру Милены, опасался одного, чтобы она ничего не предприняла, и не испортила их отношения с Мариной.

– Давай поговорим откровенно, – предложил Илья, навестив подругу. – Я бы мог не приходить, а просто позвонить, но я хочу быть с тобой честным. Мы знаем с тобой друг друга ни один год.

– Обязательно поговорим, но только позже, я очень за то-

бой соскучилась. Ты стал слишком занятым, – говорила она, целуя его страстно. – Нельзя так много работать. Или ты мне нашел замену?

– Милена, прекрати свои игры, не надо.

– Не будет игр, не будет разговора, – отвечала она, продолжая начатое и уверенная в том, что Илья долго не устоит, а она получит то, чего так хочет. Она вымотала себя и его, прежде чем рухнула без сил. – Что ты мне хотел сказать?

– Нам надо расстаться, – сказал он неуверенно.

– Да мы с тобой в последнее время почти расстались. Ты ссылаешься на работу и не приходишь. Считаешь меня глупой? Кто она?

– Это Марина. Она сейчас в городе. Поступила в медицинский университет, учится.

–Эта деревенская девчушка? Чем же она тебя взяла? Своей невинностью? А ты уверен, что нужен ей? Наберется опыта, найдет себе моложе. Я могу поверить в то, что девчонка влюбилась, но ты о чем думаешь? Ты что, серьезно влюбился? Надолго ли? Кажется, год назад было что-то подобное и где оно? Это не любовь, это страсть, которая у тебя быстро проходит.

– Не для всех секс стоит на первом месте, – возразил ей Илья.

– Но практически, каждая ищет состоятельного кавалера. Ты ей уже один раз помог, и она готова была отдаться. Что на этот раз?

– Не говори глупости. Она сказала это от отчаяния. Я не видел ее два года и, думал, забыл, а встретил и пропал. Она мне нужна. Пойми это.

– Да я все поняла еще три минуты назад, когда ты трахал меня со всем усердием и не думал ни о чем. Ты сексуальная, влюбчивая сволочь, но сволочь порядочная. Пока ты обхаживал свою Марину, прыгал в мою постель и не испытывал угрызений совести, а когда свершилось чудо и она отдалась, тебе очень хочется меня забыть. Возрази мне. Значит я права, – сказала она, не услышав ответа на вопрос. – И что в ней есть такого, чего нет во мне? А если Марина узнает о сегодняшнем дне и о твоей неверности?

– Она любит меня. Ни секс со мной, а меня самого. Она не навязывает мне своего мнения, умеет слышать и слушать. Мне с ней хорошо не только в постели. Меня не тянет по клубам, друзьям, а она не валяется до обеда, а учится, при этом успевает сама, без прислуги, приготовить ужин и чистую рубашку на работу.

– Прямо три в одном: кухарка, прачка и психолог. Партия выгодная, но не долгая. Скоро она перестанет заглядывать тебе в рот, слушая твои рассказы и истории. Тебе уже через три недели, максимум месяц, надоест пресный секс, и ты ко мне вернешься. Вы с ней разного поля ягоды, как говорят. Я даю тебе сроку полтора месяца и, если ты не передумаешь, мы забудем, друг о друге, а разочаруешься в ней – идем в загс. Тебе пора определиться. Я не буду вас преследовать, а

уж тем более к ней ревновать. Между мной и ей огромная разница, хотя она и моложе меня на восемь лет, и ты об этом знаешь.

– Думай, что хочешь, но не лезь в нашу жизнь, – сказал Илья уходя. « Милена права, я слаб перед ее «напором». А если не только перед ней? Это распущенность или болезнь? Чтобы это не было, Марина не заслуживает моих измен», – думал он.

Через неделю после разговора с Миленой, Илья подарил Марине кольцо и сделал предложение.

– Илюша, мы не торопимся? – спросила Марина. – Мы с тобой так мало знакомы, встречаемся чуть больше трех месяцев. Я очень тебя люблю, но мне кажется, я не готова к такому ответственному шагу. Не представляю себя в роли невесты, жены, мамы.

– Подадим заявление в загс, и нам дадут еще два-три месяца на раздумье. Полгода знакомства тебя меньше пугают? С отцом я поговорю, а вот маму накануне поставлю перед фактом. Когда поедем в деревню?

– Не знаю. Мама и папа чем раньше узнают, тем сильнее будут волноваться, суетиться, заранее готовиться. Давай отложим знакомство с моими родителями, хотя бы на месяц, два.

Заявление подали пятнадцатого октября, с датой регистрации десятого января. Влюбленная Марина еще не знала, что беременна две недели и совсем не думала о Милене, а

зря. Милена поехала в дом родителей Ильи и встретилась с Тамарой Григорьевной, его мамой.

– У Ильи появилась новая подружка. Студентка, приехавшая из деревни, – сказала она и рассказала о знакомстве с Мариной. – Что мне делать? Они уже живут в его квартире.

– Используй старый проверенный способ, скажи ему, что беременная, займись воспитанием своего сына, перевезя его к себе от родителей. Да, это создаст для тебя некие неудобства, но только так ты можешь его вернуть. Нам в семье не хватало только доярок, – советовала мать Ильи. – Один колхозник уже есть в доме.

– Вы думаете, у меня получится? У нас с ним недавно был секс. А если и наша студентка окажется беременной? – все еще сомневалась Милена.

– А вот об этом, случись такое, Илюша не должен узнать. Здесь делай, что хочешь: встречайся с ней, оговаривай, настраивай против него. Главное со сроками не ошибись. После всего сделаем липовый выкидыш. Сама настаивай на загсе, но прежде хорошо все продумай. Ты вообще можешь иметь детей?

– Могу, конечно, могу, – соврала Милена и начала готовиться к своим «подвигам».

Милена не понимала, что связывает ее отца и мать Ильи, возможно старая дружба, а возможно и юношеская страсть. Именно мать Ильи познакомила ее с сыном и была ей старшей «подругой». Главное Тамара Григорьевна была готова

принять Милену в свою семью, зная, что у нее есть маленький четырехлетний сын, чего не скажешь об Илье. Милена за два года привыкла часто встречаться с Ильей. Он был симпатичным молодым человеком, с которым не стыдно выйти в свет. Образованный, с хорошими манерами и чувством юмора, не бедный, что было большим достоинством, а для постели, он был еще и страстным. Милене с ее внешностью, очень льстило внимание мужчин, но появляться в компаниях она предпочитала с Ильей. Это было и удобно, и перспективно. И вдруг все это может закончиться с появлением в жизни Ильи Марины. Милена не могла не попытаться разрушить отношения между ними, чтобы избежать неудобств для себя. Ей исполнилось двадцать шесть, ждать лучшей партии для себя не имело смысла, и она решила пока просто поговорить с Мариной, а после разговора определиться, что делать дальше.

Марина посетила университетского врача, девятнадцатого ноября, где ей поставили диагноз: беременность семь недель. В этот же день ее ждала встреча, о которой она не думала. У подъезда дома, где они жили с Ильей, ее ожидала Милена.

– Здравствуй, Марина. Ты очень хорошо выглядишь, так сразу и не узнаешь. Очень изменилась и только в хорошую сторону. Как мама твоя?

– С мамой все в порядке. У Вас ко мне какое-то дело?

– Мне надо поговорить с тобой. Пройдем в квартиру или

поговорим здесь? – спросила она, глядя на Марину.

– Давайте поднимемся в квартиру, – ответила она, открывая дверь подъезда, направляясь к лифту. – Входите.

Лифт доставил их двоих до квартиры. Открыв входную дверь, Марина пропустила незваную гостью вперед.

– Здесь ничего не изменилось, но стало гораздо чище, и как-то светлее. Я бывала в квартире Ильи только с его компаниями, сама предпочитала встречаться с ним у себя, так гораздо удобнее, все под рукой, – говорила Милена, осматривая квартиру, расстегивая шубу и присаживаясь в кресло. – Присядь, мой разговор не займет много времени. Я против тебя ничего не имею и понимаю тебя, как никто другой. Илья обаятельный мужчина, в него очень трудно не влюбиться. Вы с ним встречались два месяца, а я эти два месяца ждала его дома, – вздохнула Милена. – Он предложил расстаться, я согласилась, но расставание вышло очень, скажем, необычным и весьма продуктивным. Одним словом, поставив точку в наших отношениях, мы с ним переспали.

– Мы встречаемся ни два месяца, а пятый. Кроме того, Илья сказал мне о том, что Вы расстались, и мы подали заявление в Загс.

– Я знаю об этом. Мы расстались, я же тебе сказала, и я могла бы не приходить к тебе, но я беременная, срок два с половиной месяца, а Илья, так хочет ребенка. Подумай об этом. Есть еще одно обстоятельство. Тебе не кажется, что будь у вас все серьезно, он бы познакомил тебя с друзьями, с

родителями? Вы, вообще, бываете с ним в компаниях? Вижу, нет, и сидите в квартире.

– Я сама его попросила повременить со знакомством, нам достаточно общества вдвоем.

– Ошибаешься. Ему это на руку потому, что его мать, Тамара Григорьевна, никогда не примет тебя в свою семью, а Илья очень зависим от родителей. Моего ребенка они признают. Зная обо всем этом, ты пойдешь с ним в загс? Решать тебе, но ты подумай, что тебя ждет? Нет, Илья тебя не оставит, он твердо намерен жениться, но он не оставит и своего ребенка. И что это будет за жизнь?

– Я, Милена, тоже жду ребенка, правда Илья об этом еще не знает. Вы расскажите ему обо всем сами, и пусть он сделает выбор. Я приму любое его решение, – сказала спокойно Марина.

– Хорошо. Я сегодня же с ним поговорю. Если тебе не трудно, не говори ему о моем визите. До свидания.

Марина верила в рассказ Милены и не верила. Ей было так больно и обидно, что слезы сами просились наружу. « Милена и Илья встречаются несколько лет. Да, я поверила ему, и он мог ко мне испытывать чувства, но спать одновременно с двумя, целовать и говорить одни и те же слова – перебор. Ты, Марина, как будто не смотришь сериалов, где наивных провинциалок обманывают через одну, – говорила она себе. – Илья увлекся, а ты восприняла это всерьез. А если нет? Если он со мной честен и просто соблазнился? Какая

глупость! Сама себя успокаиваю. Но ведь Милена сказала, что знает о загсе, а значит, он поставил ее перед фактом. Выходит, она мне рассказала обо всем, в надежде, что я сама откажусь от Ильи. Странные у них отношения. Они встречаются года два, а тут появляюсь я. Он ухаживает за мной, при этом спит с Миленой, а позже с нами обеими. Она знает об этом, знает о загсе и совсем не скрывает, что ее это устраивает, ожидая моей реакции. Мне нужно обо всем хорошо подумать, не затевать скандала и дождаться, когда он сам обо всем расскажет. Вот тебе еще один сериал из реальной жизни. Наивно было полагать, что молодой, не бедный, практически, состоявшийся мужчина, выберет для себя студентку из провинции, если у него уже есть не менее обеспеченная и красивая подружка. В этом нет смысла, нет логики, нет и любви. В противном случае не случилось бы того, что случилось».

В субботу Марина готовила завтрак и все время думала о разговоре с Миленой, и ждала, что скажет Илья в свое оправдание. Вчера он пришел поздно ни то уставший, ни то расстроенный, поел без всякого аппетита и, извинившись, ушел спать. Марина давала ему возможность самому рассказать обо всем и не устраивала сцен. « Трудно ему признаться в предательстве и обмане, – думала она. – Значит, он спал одновременно со мной и Миленой. Если это так, то о какой свадьбе может идти речь?»

– Доброе утро, малыш, – сказал Илья, входя в кухню и

целуя Марину в щеку. – Кофе готов? Налей мне чашечку и присядь, нам нужно поговорить.

Марина подала ему чашку с кофе и присела напротив него.

– Что-то случилось? – спросила она, уже зная ответ на свой вопрос.

– Случилось. Я вчера разговаривал с Миленой. Она рассказала мне о своей беременности и о том, что аборт делать не собирается. Я виноват, изменил тебе. Ты теперь бросишь меня?

– Значит, ты спал со мной и Миленой? Это, по-твоему, честно и порядочно? Ты, что от меня хочешь услышать: слова утешения, слова негодования? Скандала не будет, хотя мне очень больно.

– Маришка, малыш, мне очень трудно об этом говорить, но ты должна знать: я тебя очень люблю, и мы обязательно поженимся. Я хочу, чтобы ты меня поняла и простила. Ребенок не виноват в том, что его отец раздолбай. Я сам сделал непростительную ошибку, поддавшись искушению. Не сказать тебе об этом, значит обмануть дважды. Я не могу без тебя, но и мучить тебя нет никакого желания. Подумай.

– А как же я? – спросила Марина и вдруг поняла, что Милена не рассказала Илье о ее беременности. – Я искренне поверила тебе. Правду говорят, что любовь слепа. Я влюбилась, потеряла голову, мечтала быть с тобой счастливой. Забери это, – сказала она, снимая с пальца кольцо и положив

его на столик. Свадьбы не будет. Я не смогу и не хочу делить тебя ни с кем. Это не для меня и думать здесь не о чем.

– Марина, я не предлагаю тебе жизнь в гареме. Ты будешь моей законной женой, но должна будешь смириться с тем, что я буду принимать участие в жизни и воспитании ребенка Милены. Так бывает, Марина, ни ты первая, кто знает о наличии внебрачных детей. Может, мне лучше было смолчать и сделать вид, что ничего не произошло? Прими это и подумай о нас.

– Не расскажи обо всем ты, это сделала бы Милена. Я могла бы тебе уступить и сделать то, о чем ты просишь, но тогда бы я перестала не только любить себя, но и уважать. Добровольно стать пленницей в паутине лжи, я не смогу, это напоминает медленное самоубийство.

– Забери кольцо, может, передумаешь. Ну, а если не захочешь меня понять, оставь его себе на память.

– В память о чем: об обмане, разбитых мечтах и растоптанных чувствах? Мне не нужна такая память. Я постараюсь все забыть и жить дальше. Скажи мне честно: а если бы и я была беременная, ты чтобы делал?

– Мариша, послушай, я не оправдываюсь. Я не отказываюсь на тебе жениться, мало того, я очень этого хочу. Я тебя люблю и хочу наших детей. Я был с тобой счастливым человеком и хочу им остаться. Но того, что случилось не исправить. Тебе трудно это принять, но я не вижу больших проблем. Я буду помогать, а это не значит жить на две семьи.

Сколько пар расстается, и создают новые семьи? Общаются друг с другом и помогают воспитывать детей. В чем криминал?

– Ты сам себя слышишь? Я изведу себя ревностью, пока ты будешь навещать Милену с ребенком, помогая ей. А что, если ты, и в очередной раз, не устоишь перед ее чарами? Что мне тогда делать? Ты просишь меня понять и простить. А кто поймет меня? Я верила каждому твоему слову. Что имеем в итоге?

– Пожалуйста, не отталкивай меня. Давай все же попробуем.

– Нет! Я не смогу сделать того, о чем ты просишь. Нам лучше расстаться. Дело не в ребенке Милены, дело в тебе. Ты пытался усидеть на двух стульях. Зачем? Чего тебе не хватало? Извини, это теперь неважно. Предавший однажды, сделает это еще раз. Я, наверное, смогла бы понять, если бы все это случилось до того, как мы с тобой начали жить вместе. Это было бы твое прошлое. А ты, для своего удобства, продолжил это и в настоящем. Нет!

– Это конец? Я очень надеялся на то, что ты меня поймешь, – говорил Илья, держа ее ладонь в своих руках. – Говорят, когда любишь, то прощаешь. Ты молодая, симпатичная, обязательно будешь счастливой за нас двоих. Прости меня, малыш.

– Да, ты, наверное, прав. Я постараюсь быть счастливой, и ты будь счастлив, – сказала Марина. – Береги своих детей,

и забери заявление в загсе. Не говори больше ничего. Нет на свете таких слов, которые смогут мне объяснить происходящее. Я благодарна тебе за то, что ты нашел в себе силы рассказать это теперь, а не спустя два-три месяца. Прощай, – сказала Марина, вставая из-за стола и направляясь в спальню.

Она не плакала, чего-то подобного в разговоре она ожидала, а предложение Ильи было для нее предсказуемо, но, ни приемлемо. «Моя встреча и разговор с Миленой, для него неизвестные, а вот у меня было время для размышлений», – с легкой грустью подумала она. Марина собрала свои вещи и белье в сумку, проверила ящики и полки, чтобы не возвращаться в эту квартиру. Надевая верхнюю одежду в прихожей, она увидела Илью.

– Подожди минуту, я оденусь и отвезу на машине тебя туда, куда скажешь. Все это очень неприятно для тебя, но я не стану забирать заявление. Может, ты передумаешь. Я так на это надеюсь.

– Спасибо. Я доберусь самостоятельно. Теперь каждый из нас живет собственной жизнью. Ключи на полке. Прощай.

Больше всего Марине хотелось сейчас оказаться в безлюдном месте, и дать волю слезам. Она не упрекала Илью, она во всем винила себя, и прежде всего за непринятие сложившейся ситуации. «С одной стороны, он поступил благородно в отношении Милены, но так и не узнал всей правды. С другой стороны, я не могу быть уверенной в том, что, расскажи

ему эту правду, изменю свое решение. Мне неприятна сама мысль, что он встречался и спал с другой. Я не могу этого ни понять, ни простить, – думала она, сидя в маршрутном такси. После посещения общежития, где она оставила свои вещи, Марина ехала домой. По щекам катились слезы разочарования и легкой грусти. « Папа, ты не очень занят? Можешь спуститься к мостику? Мне нужно поговорить с тобой без мамы», – позвонила она отцу, проехав половину пути. Выйдя из маршрутки, она, неспеша, прошла к мостику, оглядывая берег на котором прошло знакомство с Ильей. Теперь она стояла на мостике, опираясь на перила и глядя на спокойную воду. Отец появился минут через десять.

– Что случилось, Маня? – спросил он с тревогой.

– Папа, я тебе все расскажу, а ты обещай не перебивать и начинай меня воспитывать только после этого, – попросила дочь и начала рассказ с самого первого дня знакомства.

Отец слушал и лишь изредка задавал вопросы. Теперь он был в курсе всех тайн дочери.

– Чтобы ты не сказал, папа, я уже люблю этого ребенка, как и его отца. Он меня не бросает, мы даже заявление в загс подали. Я могу вернуться и устроиться в городе. Принять его предложение и выйти замуж, хотя для меня это не просто. В самом крайнем случае, позже, обращусь к нему за помощью. Это все я могу, но через себя. Понимаешь? Долго я так не протяну. Уж лучше оборвать все отношения сразу. Он ничего не знает о беременности, и это к лучшему.

– Ты чего удумала, донюшка моя? Я тебя не осуждаю, глупая. Благодарность переросла в любовь. Так бывает. Я ему со своей стороны не менее благодарен за маму. А может это судьба тебя испытывает на прочность? Что мы втроем одного малыша не поднимем? Ты успеешь перейти на второй курс, родиться ребенок и вернешься в деревню, а с сентября будешь ездить, как раньше с учебы домой. Не плач, дитя мое неразумное. Все в нашей жизни не просто так происходит. Бог не дает ноши не по силам. Ты права в одном: нельзя выходить замуж не только без любви, но и без доверия, для галочки. Ты ему не доверяешь, но при этом сильно любишь. Попробуй забыть, что рядом есть и другая женщина, которая ждет ребенка, и выходи замуж, либо продолжай любить его на расстоянии, не забывая о нем, но при этом и о себе подумай. Сделай сама свой выбор. У нас ни Азия, где гарем в порядке вещей. Жена, в нашем понятии должна быть одна, как и муж. А дети? Чего в нашей жизни не бывает? Делая выбор, дочка, ты только не ломай себя, это может быть неоправданная жертва. Кто знает, возможно, однажды все изменится к лучшему? Со временем, ты посмотришь на это другими глазами. Ты справишься, я об этом знаю, а мы с мамой тебе поможем. Фамилию отца скажешь?

– Нет, папа. Ты начнешь его искать, а это ни к чему хорошему не приведет. Я простилась с ним, и возврата не будет. Теперь у нас у каждого своя жизнь. Ты прав, папа, пройдет время, и я, возможно, изменю свое решение. Как маме обо

все рассказать?

– Мы перескажем ей только то, что ей надо знать. Я поговорю с мамой сам. Идем домой.

Мать, выслушав историю Марины от мужа, минут десять сидела молча. Она вдруг вспомнила свое расставание с Борисом и даже вздрогнула. «Ситуация с дочерью так похожа на мою. Со мной рядом был Егор, который любил меня и не дал наделать глупостей, а Маринка одна и помочь ей можем только мы с отцом», – думала она. Постаралась взять себя в руки, спокойно, сказав:

– Рано подрезали тебе крылья. Ты же все эти месяцы не ходила, летала. Не грусти, девочка моя. Отрастут новые перышки и крылья окрепнут, и будешь снова летать. А пока гнездо строй для нашего птенчика и помни, что ты ни одна.

Марина, почувствовав участие и готовность родителей ей помочь, была им очень благодарна, Это помогло пережить разрыв с Ильей не так болезненно. Илья караулил ее после занятий, ждал у общежития, несколько раз поджидал на мостике, пытаясь еще раз поговорить и уговорить, но Марина отвечала отказом. Чем больше проходило времени, тем она становилась увереннее в принятом ей решении. Она лишь на минуту представляла Милену в объятиях Ильи, и сомнений не оставалось. « Я люблю его, очень люблю, но не доверяю. Любовь не слова, а чувство, поступки, – думала она после встреч с ним. – Его влюбленность пройдет, а я и дальше буду жить надеждой». Перед Новым 2004 годом ее в деревне

навестил Илья.

– Маришка, я очень скучаю. У нас еще есть время до загса, чтобы ты простила меня. Как твои дела? Как учеба? – спросил он, стоя рядом с ней у калитки.

– Илья, я давно тебя простила, но с моим прощением чувства не пропали, но стали другими. У меня нет к тебе претензий, но нет и той большой любви. Прости, так, наверное, бывает. В моей жизни все хорошо. Сразу после сессии, я перевожусь в другой институт, уезжаю в другой город и выхожу замуж. Ты зачем приехал? Мы с тобой все обсудили, и ты сам хотел видеть меня счастливой.

– Не знаю. Захотелось тебя увидеть. Ты его любишь? Кто он?

– Наш деревенский. Окончил военное училище, теперь служит далеко, но не на краю земли. Он меня любит, а я уже любила и мне моя любовь не принесла ничего хорошего, кроме разочарования. Езжай к своей семье. Прощай.

Марине хотелось броситься ему на шею и рассказать обо всем, но она сдержалась, возвращаясь в дом. « Живи, Илюша, спокойно и счастливо. Я отпускаю тебя и лгу во спасение. Отпусти и ты меня из своего любовного плена. Вы с Миленой знаете давно друг друга, и если она простила тебе связь со мной, значит, она тебя тоже любит, – думала она. – Может, по той же причине не сказала тебе всей правды. Неужели я такая предсказуемая, и она была уверена в том, что я так и не признаюсь тебе? Я не буду воевать ни с

ней, ни с твоей семьей. Я люблю тебя, но себя я люблю теперь больше. Ты для нас уехал далеко и надолго, я буду мысленно писать тебе письма, рассказывать о нашей жизни, но решение не изменю».

– Кто приезжал, Марина? – спросила ее мама.

– Один богатый Буратино. Я пишу ему реферат, он платит мне деньги за работу, – солгала она наполовину. Реферат она писала, но другому человеку.

– Ты, дочка, пока будешь сдавать сессию, проверь свое койко-место в общежитии. После каникул оставайся в городе. Не надо зимой каждый день мотаться автобусом. Начнется посевная, пару раз в неделю будешь приезжать. Тебе самой позже тяжело будет добираться. Родишь, заберем тебя после выписки домой. Мы с мамой все приготовим, не волнуйся.

Марина после зимних каникул осталась жить в общежитии. Девочки по-разному отнеслись к ее беременности. Одни ругали, другие, таких было больше, сочувствовали, третьи советовали не портить себе жизнь и сделать аборт. Таких оказалось меньше. Аборт делать она не собиралась, да и сроки уже этого не позволяли. С той последней встречи с Ильей у калитки и до тех пор, пока малыш не подал маме знак и зашевелился, Марина как будто жила в обществе Ильи. Она перед сном закрывала глаза и мысленно беседовала с ним, вела диалоги, рассказывала ему на прогулках о своих новостях, успехах, житейских проблемах. Она не держала

на него обиды, ведь отношения она прервала сама. Почувствовав малыша, она «сменила» собеседника и «переключилась» на него. Теперь все ее монологи были обращены к ребенку. Она выбирала малолюдные места и, гуляя, разговаривала вслух, не боясь быть непонятой со стороны. Училась Марина старательно, ей не хотелось потерять бюджетное место. После занятий она часа два гуляла в парке, а ближе к сессии готовилась к зачетам и экзаменам на свежем воздухе. Летнюю сессию сдавала на девятом месяце беременности, а после сессии осталась в общежитии до родов, перейдя на второй курс. Марина прожила в общежитии почти пять месяцев, но, ни Илью, ни Милену она за это время не встречала в городе. Мать говорила ей, что Илья приезжал в конце января, и она сказала ему, что Марина уехала на Сахалин. Почему именно Сахалин, она объяснить не смогла. Чем ближе приближался срок родов, тем Марина больше желала встречи с Ильей. Ей хотелось, чтобы Илья, если и не встретит ее из роддома, хотя бы знал, что скоро станет отцом. Денис родился тридцатого июня две тысячи четвертого года в шесть часов утра. За день до дня рождения своей матери, которой первого июля исполнялось девятнадцать. Вес мальчика составлял 3500, а рост 51 см. Марина позвонила отцу по телефону и сообщила новость ближе к вечеру. Это был первый внук Ольги и Егора Дунаевых. Родители забрали дочь и внука пятого июля, купив в отсутствие Марины кроватку и коляску. В комнате дочери и внука отец сделал перестанов-

ку, а мама приготовила все необходимое для новорожденного. Июль и август пролетели незаметно, а с первого сентября молодая мама стала посещать занятия. Она оказалась «не совсем молочной» и его надо было докармливать. С одной стороны – это было плохо, с другой стороны – позволяло матери не пропускать занятий, а сыну не быть голодным. Каждое утро она шла через знакомый мостик на маршрутку и к трем часам после полудня возвращалась домой. Прошли полгода, и отцу удалось продать два дома из трех. В декабре на эти деньги он купил квартиру в городе в новом доме под отделку. Жить в ней пока было нельзя, а на отделку требовались деньги.

– Ничего, девчонки. Продадим третий дом и сделаем ремонт. Главное стены и крыша есть. Будет наша Марина Егоровна жить и учиться в городе, а может уже и работать. Ты же нас с матерью не бросишь пока?

Отец сильно погорячился, сказав о продаже третьего дома. Его удалась продать только перед окончанием Мариной университета. Пять лет она так и ездила на занятия в город. Там же отрабатывала и практику, но ни разу не встретила ни Милену, ни Илью. Денис еще с двух лет пошел в сельский детский сад, бабушка, таким образом, смогла справиться с непоседой, и занималась только домом, отец работал в поле. Он категорически отказал Марине в поисках работы, но позволил на каникулах замещать фельдшера, на период отпуска в местном ФАПе. Обучил дочь езде на своей машине.

Получив права, она теперь могла реализовать излишки своих овощей, ягоды и молочных продуктов на рынке. В июне две тысячи девятого года Марина получила диплом. За все время учебы, она больше не заводила никаких романов. Подруги и друзья у нее были, а вот друга не случилось. В ее комнате, на комоде так и стояла большая фотография в рамке, снятая ранней осенью 2003. С фото, сделанное в парке, смотрели и улыбались она и Илья. Это фото, все годы, было ее «собеседником». Денис знал, что на фотографии изображены его мама и папа, что отец живет в городе, в другой семье. В селе были матери одиночки, и воспринималось это и взрослыми, и детьми спокойно.

С получением диплома, Марину ожидала интернатура, либо место терапевта в районной поликлинике. Она сама отказалась быть интерном на платной основе. « Нельзя столько времени сидеть у родителей на шее и еще вводить их в расходы на такую сумму. Они будут тянуться изо всех сил, а это того не стоит. Они нужны мне здоровыми», – думала она на кануне разговора с заместителем декана. Марина была хорошей студенткой, а таким хотелось помогать.

– Дунаева, ты отказываешься? – с грустью спросил он.

– Отказываюсь. То, что Вы мне предлагаете, мне не по душе, мягко говоря. Я не могу браться за то, что мне в будущем будет неинтересно. Специальность рентгенолога и уролога не для меня. Я хотела работать хирургом, анестезиологом, но не могу ради своей мечты ущемлять своих род-

ных, интересы семьи. Поработаю несколько лет, и продолжу мечтать, – говорила Марина, улыбаясь. – Либо разбогатею и оплачу все сама, либо начну мечтать о другом. Вы знаете мою ситуацию и должны понять, что это решение я приняла обдумано.

– У тебя есть маленькая возможность пройти специализацию по хирургии в хорошей клинике у специалиста и бесплатно, – говорил он, глядя мимо нее. – Я знаю, ты у нас девушка серьезная, но посмотри на это предложение с другой стороны.

– Есть какие-то особые условия? – спросила она. – Говорите, как есть. Кто у нас такой добрый дядя и кому я буду обязана такому щедрому жесту? Простите меня, я веду себя некрасиво, зная, что Вы хотите мне помочь. О ком пойдет речь?

– Воронцов сам тебя выбрал. Условие у него только одно. Он не садист и не извращенец, не самый плохой вариант и ты об этом знаешь. Озвучивать тебе его не нужно? Это его визитка. Подумай и прими правильное решение. Извини меня, Дунаева, но я должен был тебе это передать. Ты поступай так, как велит тебе воспитание, твое внутреннее состояние, только помни о том, что в другом месте, может оказаться садист Иванов или извращенец Петров, а то и два в одном. Положение интерна очень бесправное: ты уже не студент, но еще и не врач. Без хорошей практики ты никто, и звать тебя никак. Ты сама, девочка, выбрала специальность хирурга, а

там работают, как правило, одни мужики. Прости, ради Бога.

– Спасибо. Вы, абсолютно, во всем правы. Мое самолюбие ни грамма не ущемлено и я знаю, что за все в нашей жизни приходится платить. Я обязательно позвоню. Разочаровывать такого хорошего человека мне совсем не хочется. Кто знает, может нам удастся с ним договориться?

О Воронцове Виталии Андреевиче по университету ходили разные слухи, но никто не отзывался о нем негативно. Ему было около сорока лет. Брюнет, под метр восемьдесят ростом, густые волосы и всегда аккуратная стрижка, карие глаза, упитанный, но без лишних килограммов в весе. Это был видный, харизматичный и опрятный мужчина, с приятным голосом и хорошими манерами. Минусом для него был статус холостяка, вот этот факт, многие считали большим плюсом, и он не давал им покоя. В университете, в самом начале обучения Марины, он читал лекции по неотложной хирургии, был ведущим хирургом в хорошей клинике и никогда не встречался с «двоечницами» за зачет или экзамен. В этом было что-то неправильное. К этому феномену привыкли, его не обсуждали и не комментировали. Он присутствовал, как член комиссии, на государственных экзаменах, когда сдавали практические навыки. «Воронцов не самый плохой вариант в данной ситуации, – думала Марина. – Одно то, что он не женат уже плюс. Не надо себя ощущать дрянью, нарушающей семейную идиллию. Ложиться в постель со специалистом, слегка, как бы утешает, но совсем не оправды-

вает. Я все равно «продаюсь». А где гарантии, что меня не станут домогаться посредственности при платном прохождении? Алексей Иванович во многом прав. Положение интерна шаткое, оно хуже, чем у студента. Ты целиком и полностью зависима. Что тебе предложат, чему и как научат, что при этом попросят взамен?» – думала она накануне встречи, позвонив через день Воронцову. Она не стала ходить кругами, в данном случае это было лишним, и напрямик спросила:

– Виталий Андреевич, почему я? Вам запомнился мой ответ на экзамене, Вы решили поиграть в благородство, при этом совместив приятное с полезным? Для меня ваш выбор не понятен, а я хочу ясности. Я не набиваю себе цену, но Вы, выслушайте меня, а потом решите: устроит ли Вас это? Я была влюблена на первом курсе и до сих пор люблю этого человека. Не сложилось у нас, и я одна воспитываю сына, которому пять лет. Других мужчин, как это ни печально, у меня не было. Если, вдруг, возникнет ситуация, где проблемы моей семьи на чаше весов перевесят Ваш выбор, я приму первое не задумываясь, и мне при этом будет глубоко наплевать на свой статус интерна. Извините, – сказала Марина и вспомнила его вопрос на экзамене: – «Чем будете заниматься в дальнейшем? Есть мечта?», – спросил он, получив полный ответ на свой вопрос по теме. « Мечта есть – это работа в операционной. Только таких как я не берут ни в космонавты, ни в хирурги», – ответила она.

– Скажем: благородство здесь не причем, ты мне симпа-

тична. Вот поэтому мне и захотелось тебе помочь. Я обязательно подумаю над твоими словами, а завтра, жду тебя на работе к восьми часам, и не опаздывай, я этого не люблю. Да, интернам не полагается «именная» униформа, имей это в виду и запасись своей.

Глава 3

Первоначально здание строилось и предназначалось под психиатрическую лечебницу. Живописное место, чуть в стороне от жилого массива и автомобильных дорог, окруженное ленточным бором. В девяносто пятом году строительство заморозили, а потом и вовсе бросили. Капитальная трехэтажная коробка лет пять стояла «ничейная». В двухтысячном «добрый дядя» выкупил землю и недострой, и строительство возобновилось. В свое время, этого дядю спас от неминуемой смерти молодой хирург, вынув из него ни одну пулю. Дядя, отсидев определенный срок в местах не столь отдаленных, вышел на свободу и решил отблагодарить спасителя, исполнив его мечту. Здание подверглось реконструкции по новому проекту, согласно всем законам и правилам, и через три года на месте никому не нужной стройки, выросла частная клиника. К этому времени вокруг нее выросли, ровными рядами, как грибы после дождя, частные дома, появились дороги и социальные объекты. Нетронутым остался только ленточный бор. К разговору между доктором и благодетелем, который состоялся в самом начале, уже не возвращались.

– Я хирург, – говорил доктор. – Где Вы видели клинику с таким направлением? Многопрофильное же учреждение требует большого штата. Это пустая затея, Петр Афана-

сьевич.

– Ты Михайлович не прав во всем. У нас народ не перестанет получать травмы, женщины будут рожать детей и бич нашей жизни остеохондроз ни куда не денется. Вот тебе и выход. Откроешь три отделения: к хирургии добавишь травматологию, нейрохирургию, гинекологию, диагностику и лабораторию. У тебя будет хорошее оборудование. Начнешь прогорать, передашь уже свою головную боль местной администрации. Я проблем в этом не вижу. Ищи и подбирай себе штат. «Молодой хирург», которому исполнилось уже сорок с лишним лет, начал подбирать для своего детища штат. Хорошая реклама, внимание, доброжелательность персонала «работало» на имидж клиники. Начали с диагностики. Цены были не выше цен на платные услуги в государственных больницах и других клиниках, а вот атмосфера располагала и к ним люди шли. Светлое трехэтажное здание, где на первом этаже одно крыло занимало диагностическое отделение и лаборатория, в другом кабинеты физиолечения и оборудование для реабилитации. Пристройка с гардеробом, холлом, буфетом и стойкой дежурной, дальше приемное отделение с лифтом наверх и кабинет главного врача с приемной, администрация. Второй этаж делила между собой хирургия-травматология и нейрохирургия. Разделяли их операционные блоки и небольшое реанимационное отделение. Третий этаж занимали отделение гинекологии и реабилитации. Палаты были одноместные и двухместные. Кухня и пра-

чечная находились в отдельно стоящих зданиях. Двор клиники был не большим, но ухоженным, имел два выхода на параллельные улицы и находился под охраной. Клиника работала уже семь лет. Она могла бы сравниться по качеству лечения, восстановления и наличию оборудования со столичной клиникой, но ее масштабы были меньше и скромнее. Квалифицированные врачи специалисты привыкли к жесткой дисциплине, и текучести кадров здесь не было. Главный врач клиники, был ни кто иной, как тесть Морозова. И он порекомендовал своих сокурсников, которые проработали уже по семь лет в разных больницах города. В две тысячи третьем году, в клинике одновременно оказались Морозов, Воронцов, Шилин, Косинов и Стрельникова. Позже им самим пришлось набирать персонал для своих отделений. Вот в такой клинике предлагалось Марине Егоровне Дунаевой пройти интернатуру.

Следующий день для Марины начался с приказа, а чуть позже с беседы с наставником в его кабинете.

– Марина Егоровна, на работе я буду обращаться к тебе по фамилии, такая у меня привычка. Это тебе моя рекомендация, подписанная следующим годом. Она твоя гарантия. Я принимаю твое условие, но и ты постарайся не нарушать моих: два раза в неделю по вторникам и четвергам, я буду ждать тебя у себя дома с семнадцати до двадцати. Это – ключи, это – адрес, – говорил он голосом, не терпящим возражений, протягивая одно за другим. – Меня не волнуют твои кри-

тические дни, будем заниматься теорией. Исключения могут составлять только наши дежурства. На работе я занимаюсь только работой. У нас не районная больница, куда могут привозить больных на машине скорой помощи, все операции идут по плану, но раз в месяц, она, как бы дежурная, и мы лечим таких больных экстренно. В такие дни, дежурства свои я провожу здесь. Тебе, Дунаева, все понятно?

– Более чем. Вы мне цену определили минимальную. Работая на панели, я получила бы за год гораздо больше. Жаль, опыта нет.

– Ты о чем? Я, девочка моя, не настаиваю. Выбор остается за тобой. Приказ можно аннулировать.

– Это я к сведению. Разделила стоимость курса обучения на недели и узнала себе цену. Вы заберите свою бумагу. Может она и дает гарантию, но не дает, ни навыков, ни практики. Я согласна и буду выполнять Ваши условия. Сегодня вторник. Когда начинать?

– Давай с четверга. Ознакомься с историями болезни, а завтра начнешь со мной обход. « Девочка не только умная и симпатичная, но и с характером», – подумал Воронцов, глядя вслед уходящей Марине.

В четверг она приехала по указанному адресу в 16:55, открыв дверь своим ключом.

– А ты пунктуальна, – сказал Воронцов, выходя в прихожую. – Проходи в комнату, Марина.

Квартира была большая, уютная и чистая. В ней не было

ничего лишнего. Минимум дорогой мебели и максимум свободного пространства и света.

– Ты будешь вино, коньяк, кофе? – спросил Воронцов.

– Спасибо. Спиртное я не пью, а кофе только с молоком. Вы не беспокойтесь.

– Ужинать тоже откажешься? – посмотрел он с улыбкой на нее. – Вымой руки и ничего не бойся. Сегодня у нас с тобой вечер знакомства, – говорил он, разогревая в микроволновке ужин. – У меня есть тетя, по линии отца. Это она мне помогает: готовит для меня ужины, стирает, убирает. Сегодня был тяжелый день, я выпью рюмку за наше сотрудничество. Ты не стесняйся и приступай к вечерней трапезе.

Они ужинали и разговаривали. Он спрашивал, она отвечала. Потом был кофе. В двадцать часов Марина покинула квартиру Воронцова. Две недели по вторникам и четвергам, он давал ей время привыкнуть к себе, кормя ее ужинами и обсуждая насущные проблемы. На работе он обращался к ней по фамилии, а в квартире называл по имени.

– Марина, почему в твоей одежде преобладают темные тона? Ты молодая женщина и должна одеваться ярко и модно, – говорил он, встречая ее на пороге квартиры. Ты совсем пренебрегаешь косметикой, не ходишь на каблуках, почему? Я не говорю тебе о пестроте в нарядах. Ярко, не значит безвкусно. Попробуй.

– Хорошо. Любой каприз за Ваши деньги, как говорят. Только два дня в неделю, я не буду переводить косметику.

Договорились?

Уже через день Марина пришла на работу в белых узких до щиколотки брюках, красной блузке, красных туфлях в тон на каблуке, с легкими следами косметики, а волосы спадали мягкими волнами на ее плечи. Реакция коллег была бурной.

– Дунаева, ты влюбилась? С чего такие перемены?

– Решила провести эксперимент, но он получился неудачный. Обувь не подходит для ходьбы по сельским тропинкам и берегам речки. Придется искать туфлям альтернативу, – ответила она невозмутимо, глядя на Воронцова.

В ее гардеробе появились красные брюки и белая блузка, легкая длинная юбка из шитья и такая же блуза. Красный, белый, голубой и даже лимонный цвет, создавал ее новый образ. Это были юбки, блузки, платья. Вместо туфель были приобретены мокасины в красно-белую полоску, босоножки и балетки.

Хирургический костюм она надевала на белье, а белый халат на тонкий сарафан из батиста. В дни операций она приходила без следов косметики на лице и красила ресницы перед посещением Воронцова, а в остальные дни «наводила красоту» дома. Все эти наряды, кроме обуви, в ее гардеробе были давно. Сестра Полина, прилетавшая два года назад в гости, по старой привычке, привезла ей кучу своих вещей. Марина предпочитала в одежде практичность и носила то, что меньше всего мнется и теряет вид, а у Воронцова сложилось свое, другое мнение. Пришлось открыть дома «старые сундуки»

и взяться за переделку одежды. Полина была ростом метр семьдесят, а Марина метр шестьдесят пять. Зато комплекция была у них одинакова. Готовя новые наряды, она взглянула на фотографию в рамке. «Прости, я так решила», – сказала она вслух и убрала фото в ящик комода.

К концу третьей недели он перешел к «практике», и, как нестранно было Марине признаться самой себе, ей это нравилось. Опыта у нее было не так много, и Виталий Андреевич казался ей очень сексуальным мужчиной. Их было, как будто два. Один из них строгий с виду, собранный, решительный и молчаливый на работе, второй – прост в общении, доступный, разговорчивый и нежный в своей квартире. Постепенно Марина заставила себя поверить в то, что Воронцов ее любовник, и жизнь стала казаться не такой продажной. Месяца через четыре, Воронцов не удержался и задал ей вопрос:

– К старому образу возврата не будет? – улыбаясь, спросил он.

– Не будет. Спасибо Вам. Я носила то, в чем мне было удобно и практично, а теперь надеваю то, что мне нравится самой и создает настроение, но не лишает удобства, – говорила она вслух, а мысли рвались наружу: « Не толкайся я в маршрутке полчаса, а выйди из соседнего подъезда, Вы бы и ни то увидели. Дождитесь лета, я Вас приятно удивлю. У меня, как не странно, тоже есть вкус, но Вы считайте это своей заслугой».

– Я заметил, ты и прически меняешь в день операций. Как тебе удается создавать такие, скажем, шедевры?

– Мне удобно это сделать дома. Ведь я не стилист, и много времени уходит на создание своего «шедевра». Что-то вижу, что-то придумываю, а главное пытаюсь довести это до автоматизма.

– Женщина, когда на нее обращают внимание, чувствует себя увереннее. Держи, это тебе, – протянул он ей пухлый, но легкий сверток. – К зиме и тепло, и красиво. – Тонкий пушистый белый пуловер, скорее похожий на мини платье, вязаная шапка, шарф и варежки были ручной работы и оригинального рисунка. – Теперь ты не замерзнешь, добираясь на работу и возвращаясь с нее. Скажи, Марина, а почему ты не снимешь комнату в городе?

– Во-первых, меня всегда ждут дома родители и сын, мы привыкли жить вместе. Они не против того, чтобы я снимала комнату в городе и устраивала свою личную жизнь. Друзья у меня есть, а вот с личной жизнью не получается. Во-вторых, поездка домой не такая длинная, а поездка на съемную квартиру может занять такое же количество времени, плюс затраты за съем, а из меня работник еще никакой. В-третьих, меня, в данное время, все устраивает. Как говорят: – «От добра, добро не ищут».

Он дважды за полгода просил остаться ее до утра, и она не особо возражала потому, что «условия» для нее были выгодными. Ночь приравнивалась им к двум неделям. «Один

к четырем», – говорил он. Она без особого стыда звонила при нем родителям и предупреждала, что ей нужно остаться в городе. На следующий день она вставала рано, по собственной инициативе, готовила ему завтрак и очень гордилась тем, что он получался вкусным, и уходила не прощаясь. На работе появлялась раньше Воронцова, добираясь до клиники общественным транспортом. Такие моменты, как и все прочее, ни как не отражались на их работе в клинике. С самого начала он не позволял пропускать ей ни одной из своих операций, а месяца через два уже брал ее своим ассистентом. Чуть позже, она сама проводила несложные операции самостоятельно под его чутким руководством. В таких случаях он говорил: – «Ты, Дунаева, далеко пойдешь. Схватываешь все на лету. За мою не малую практику, ты такая вторая из моих интернов, и хочу сделать тебе комплимент: они были мужиками». « Очень плохо, что Вы сравнили меня с мужчиной. Я для Вас, постараюсь это запомнить», – отвечала Марина, продолжая работать. К Новому 2010 году он сделал ей небольшой подарок, подарив красивую золотую подвеску на цепочке.

– Отвези сыну планшет и родителям гостинцы к столу. Пусть и им будет подарок от Деда Мороза.

– Это лишнее. Но, раз подарок от доброго Деда Мороза, ему большое спасибо.

Они часто начинали разговор на медицинские темы, но он сам переходил на житейские проблемы. Марина чуть позже

поняла, что Воронцов, при всей его уверенности, показной надменности, очень одинок, раним и несчастлив, что она ему была нужна не только для постели. Как мужчина, он с успехом утверждался в свои дежурства в рабочем кабинете. Ему нужен был собеседник не очень глупый и умеющий слушать, но не болтать об этом на каждом углу.

– Скажи, Марина, а ты смогла бы стать моей женой? – спросил он месяцев через восемь. Только отвечай честно.

– Нет. Между нами много общего, но этого мало для брака. В моем понятии, для брака нужна любовь и доверие. Как Вам можно доверять? Вы такой, скажем, мягко говоря, бабник, что я не смогла бы терпеть Ваши похождения с медсестрами не только нашего, но и других отделений. Вы действительно такой половой гигант? Кто-то говорил, что на работе занимается только работой. Я сама лично могла Вас уличить в траханьи медсестер ни один раз. У Вас нет внебрачных детей?

– Детей нет. Есть два таких похожих слова, как «потребность» и « желание». Вот только на практике они очень разные. На работе моим похождениям ближе первое слово, а вот дома – дороже слово второе. Значит, ты обо всем не только догадывалась, но и знала? Знала, молчала и не испытывала чувства ревности?

– А что я могла Вам сказать, да и зачем? У нас двухсторонний договор, который не предусматривает демонстрацию наших чувств. Можно вопрос? Почему Вы не женитесь, не

родите детей? Чего Вы боитесь? Да, это несколько хлопотно, но без этого ради чего жить? Вы объездили полмира, а дальше что? Вам нужна, если не жена, то подруга, которая будет Вас любить и которую бы ценили Вы. Надо лишь отпустить прошлое и постараться быть счастливым.

– Ты так говоришь, как будто счастлива сама. Я был влюблен и теперь знаю, что лучше быть любимым, чем любить самому.

– Вранье. В одно прекрасное время Вам это надоест. Любовь не игра, а чувство и оно должно быть взаимным. Я счастлива по– своему. Я люблю родителей, сына. Мне порой кажется, что я до сих пор люблю мужчину, который об этом даже не знает. Наверное, это неправильно, с годами люди меняются, и он уже давно не тот, но что делать, если сердцу нельзя приказать?

– Да ты, Марина, философ. Что ж ты не боролась за свою любовь с соперницей? – с легкой грустью спросил Воронцов.

– А я не уверена была в том, что меня любят так же, как я, и что выбор будет сделан в мою пользу. Кроме того, любовь без доверия обречена. Вы представляете, что это была бы за жизнь в двух семьях? Я извела бы себя ревностью. Мы не виделись с ним шесть лет, а живем в одном городе. Мне найти его не составило бы особого труда. Я помню домашний адрес его и родителей, я знаю, где он работал, имя и фамилию. Вопрос в том: нужно ли ему, что бы его нашли? Наверно глупо надеяться, но как говорит мой папа: – « Ты ждешь, что на

твоей улице перевернется грузовик с пряниками». Вот я и жду с надеждой этот грузовик, который год. Мне очень хотелось, чтобы он узнал о том, что я окончила учебу, что у меня растет сын, которым я уже горжусь и все это я сделала, не смотря ни на что. Но я совсем не уверена: важно ли это для него? Другое дело, если бы он нашел меня.

– Здесь я с тобой не соглашусь. Зачем находиться в плену у прошлого? Тебе просто необходимо встретиться с ним. Ты любишь ни человека, который за это время мог очень измениться, а его образ, который остался перед тобой. А что будет, если увидав его, ты просто разочаруешься? А поговорив с ним, разочаруешься дважды. Ты сейчас мне напоминаешь муху, застрявшую в паутине. Извини за сравнение. Она не пытается выбраться, а тихо сидит и ждет своей участи, при этом, паук давно забыл о расставленных сетях, как и о своей пленнице. Попытайся выбраться, сделай усилие и, возможно, после этого твое сердце станет свободным для новой любви. Разве я не прав?

– Вы, как всегда правы. Но есть другой вариант, и он гораздо проще. Если мне суждено влюбиться, новая любовь сама вытеснит этот образ из моего сознания и освободит меня из плена прошлого. Мне порой кажется, что именно этот образ не дает мне чувствовать свое одиночество.

За повседневной работой, посещениями Воронцова и частыми поездками домой время пролетело быстро. На календаре был май, и Марина готовила отчет о прохождение ин-

тернатуры.

– Дунаева, ты машину водишь? Поехали за город. Там сейчас такая красота, – предложил Воронцов. – Проветримся на свежем воздухе.

– Вы кому об этом рассказываете? Я каждый день там бываю. Вы забыли о том, что я из деревни? Машину я вожу хорошо, нашу отечественную «Ниву». Боюсь, что с Вашим автомобилем я не справлюсь.

– Нет ничего проще. Коробка автомат, две педали: газ, тормоз. Справишься. Правда, Марина, отвези меня в свою деревню. Я давно не был за городом весной, а последний раз в деревне был лет двадцать назад. Проведешь мне экскурсию по окрестностям, познакомишь меня с родителями, со своим сыном. Назад я самостоятельно вернусь. Твои родители не будут против гостей? Ехать далеко? Права при тебе? – засыпал он ее вопросами.

– Решили познакомиться с моими родственниками? А цель?

– Решил доставить тебя по месту прописки, преследуя свои корыстные цели.

Марина привезла наставника в свою деревню, познакомив его с мамой и сыном. Они сходили к реке, побывали в перелесках, где уже цвели цветы. Напоила гостя свежим молоком. Уезжал он часа через три, тепло простившись с Ольгой Сергеевной.

– Марина, это твой кавалер? Сколько ж ему лет и сколько

раз он был женат, дочка?

– Не волнуйся родная моя. Лет ему тридцать семь. Он не женат, хотя может и был, я не знаю. Он как будто боится женщин или не верит им. Он не кавалер, мама, он мой руководитель. Мы с ним еще месяц друг другу нужны будем. Он хороший человек, классный хирург, мне будет жаль с ним расставаться после учебы. Он меня многому научил. Теперь бы найти хорошее место работы, и заживем мы с вами по-новому, – говорила она, проводив гостя.

Прошел месяц. Смена у Воронцова и Дунаевой заканчивалась. Они сидели в ординаторской, пили кофе и негромко беседовали. Часы показывали 06:30 утра, а на календаре было двадцать третье июня 2010 года. Через неделю Марине исполнится двадцать пять лет.

– Марина, – обратился Воронцов к ней на работе впервые по имени, – может, останешься работать здесь?

– Нам с Вами будет трудно работать вместе, и Вы это знаете не хуже меня. То, что между нами было, наложит свой отпечаток. Все тайное, когда-то становится явным. Вам нужны слухи?

– Я не с того конца начал. Дело в том, что я через месяц-два уйду, точнее, уеду, а ты останешься здесь.

– А Вы куда? Или это секрет?

– У меня уже нет от тебя секретов, кроме одного. Я уезжаю в Москву, по твоему, кстати, совету.

– Решили попробовать жить не только для себя? Это хо-

рошо. Я за Вас рада. Начинать никогда не поздно.

– Держи, это тебе, – говорил он, протягивая ей ключи на брелке и ПТС на автомобиль. – Это был последний мой секрет. Не делай такие глаза. Автомобиль красного цвета, марки «Тойота Ярис» стоит на нашей стоянке. Куплен он ни в салоне, но состояние его очень хорошее, – продолжал он, улыбаясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.